

М. Б. ПОПОВ

**ВВЕДЕНИЕ
В СТАРОСЛАВЯНСКИЙ
ЯЗЫК**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1997

ББК 81.2-923
П58

Рецензенты:
проф. В.В. Колесов (С.-Петербург. ун-т),
доц. С.А. Аверина (С.-Петербург. ун-т)

ПОПОВ М.Б.
П58 Введение в старославянский язык. Учеб. по-
собие. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та,
1997 - 84 с.
ISBN 5-288-01842-1

В пособии кратко освещаются основные проблемы возникновения старославянского языка. С позиции фонологии характеризуется его звуковой строй, графика и орфография, а также описываются праславянские фонетические изменения, необходимые для понимания чередований в старославянском склонении, спряжении и словообразовании.

Пособие рассчитано на студентов-филологов, изучающих курс "Старославянский язык".

ББК 81.2-923

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт Петербургского университе а

ISBN 5-288-01842 1

□ **М.Б. Попов, 1997**
© **Издательство**
С. Петербургского
университета, 1997

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. МЕСТО СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Если современные славянские литературные языки расположить по мере уменьшения числа носителей этих языков, то мы получим следующий ряд: русский (143 м н), украинский (45 млн), польский (42 млн), сербохорватский (18,3 млн), чешский (10,2 млн), белорусский (10 млн), болгарский (9,3 млн), словацкий (5,2 млн), словенский (2,2 млн), македонский (1,7 млн), верхне и нижнелужицкий (0,1 млн).

Этими языками пользуются следующие славянские народы:

русским языком – русские (самоназвание – русский, -ие); украинским (українська мова) – украинцы (украинец, -иц);

белорусским (беларуская мова) – белорусы (беларус, -ы);

польским (język polski) – поляки (polak, -ci),

чешским (český jazyk, čeština) – чехи (cech, -si);

словацким (slovenský jazyk, slovenčina) – словаки (slovák, -áci);

верхнелужицким (hornjoserbšćina, hornjoserbska řeč) и

нижнелужицким (dolnoserbska řeč, dolnoserbski jězik) –

лужицкие сербы, или (сербо)лужичане (serbja, serby);

болгарским (български език) – болгары (българ, и);

македонским (македонски јазик) – македонцы (македонец, -ци);

словенским (slovenski jezik) – словенцы (slovenec, -nci);

сербохорватским (српскохрватски језик, hrvatskosrpski

jezik) – сербы (србин срб, -и), черногорцы (црногорац,

-рци), хорваты (hrvat, -i) и муслимане/босний-

цы (musliman, i; bosanac, -nci).

Самый молодой славянский литературный язык –

македонский: первая его официальная кодификация была проведена в 1945 г. Кроме того, существуют так называемые микроязыки, то есть языки узкого распространения (например, русинский язык на территории Сербии и Хорватии; около 30 тыс. носителей; культурные центры – Руски Крстур и Нови Сад). Отвлекаясь от современности, следует упомянуть мертвый язык – полабский, на котором говорили до XVIII в., но который не получил литературной обработки. Когда говорят о полабском языке, то имеют в виду дошедшие до нас записи слов и отдельных текстов полабских славян, сделанные в конце XVII – начале XVIII вв. Кроме указанных выше национальных языков, которые представлены разными диалектами и имеют письменно-литературную форму, славянские народы имеют еще несколько малых литературных языков: кашубский, который иногда рассматривают как диалект польского языка (кашубы – около 300 тыс. – проживают на севере Польши; культурный центр – Гданьск), и возникшие на основе диалектов сербохорватского – чакавский (культурные центры – Сплит и Риека) и кайкавский (культурный центр – Загреб).

С географической точки зрения традиционно различают три группы славянских языков:

1) восточнославянскую (русский, украинский, белорусский);

2) западнославянскую (польский с кашубским, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, полабский);

3) южнославянскую (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский).

Старославянский язык обычно относят к последней группе, однако он занимает особое место среди славянских языков. К нему неприменимо определение "мертвый", как, например, к латинскому или – из славянских – к полабскому, так как он никогда не был "живым", разговорным, языком. С самого своего возникновения старославянский был языком письменно-литературным, причем он появился не в результате спонтанного, естественного преобразования

одного из южнославянских диалектов, а в процессе переводческой деятельности конкретных исторических лиц, которые переводили на понятный славянам язык греческие богослужебные тексты. Греческий язык византийской эпохи явился непосредственной моделью при создании старославянского языка, который тем самым получил в готовом виде достижения эллинской культуры, а через посредство греческого также и богатства древних языков Востока. Органичность же слияния греческой и славянской языковых стихий является уже заслугой создателей старославянского языка и первого славянского алфавита. Этот язык стал первым славянским литературным языком, причем одно время языком общим ("своим") почти для всех славян.

2. БЛИЗОСТЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Все славянские языки до настоящего времени сохраняют значительное сходство между собой. Возьмем, например, слова со значениями "береза", "семя", "петь, пою", "мягкий" и сравним их формы (в орфографической записи, не в транскрипции) в славянских литературных языках:

рус.	берёза	се́мя	петь, пою	мягкий
укр.	бері́за	сі́м'я	співа́ти, співаю	м'я́кий
бел.	бяро́за	се́мя	пець, пёю	мя́ккі
бол.	бреза́	се́ме	--, пѣя	мек
мак.	бреза	семе	--, пее	мек
с.-х.	брѣза	се́ме	пѣвати	мѣк
слвн.	bréza	séme	pěti, rójem	méhek
чеш.	bříza	símě	pěti, pěji	měkký
слвц.	breza	semeno	spievat'	măkký
пол.	brzoza	siemie	pieć, pieję	miękki
в.-луж.	brěza	symjo	spěwać	mječki
н.-луж.	bfaza	sefme	spiwaś	měkki
полаб.	brezǎ	sema	rot, pŭjě (3 л.ед.)	măt'ě
ст.-сл.	БРѢЗА	СѢМА	ПѢТИ, ПОЮ	МАКЪКЪ

В приведенных примерах мы можем говорить не

только об этимологической, но и о семантической эквивалентности, так как данные слова имеют практически одинаковые значения в славянских языках. Так бывает, разумеется, далеко не всегда. Даже если отвлечься от обычной многозначности подавляющего большинства лексем, эквивалентные с этимологической точки зрения слова часто не совпадают семантически: например, рус. рано и пол. rano "утро"; рус. добрый и с.-х. добар "хороший", чеш. dobrý "хороший"; рус. плохой, укр. плохий "смирный, тихий, кроткий", бел. плòхі "болезненный, плохой", чеш. plochý "плоский", пол. plóchy "пугливый; ветренный; суетный". С другой стороны, даже очень употребительные слова не являются этимологически эквивалентными: ср. рус. говорить, укр. мовити, казати, с.-х. казати, говорити, пол. mówić, чеш. mluviti. При этом славяне, сталкиваясь с другим славянским языком, воспринимают этимологически эквивалентные, но семантически разошедшиеся слова с некоторым семантическим сдвигом: например, чешское словосочетание čas lásky "пора любви" русский воспримет как "час ласки".

Посмотрим, как разные славянские языки передают, например, 3-й стих XIII главы Евангелия от Матфея "Ίδού. ἐξῆλθεν ὁ σπειρὼν τοῦ σπειρεῖν.":

ст.-сл.	СЕ ИЗНАЕ СЪЯН ДА СЪЕТЪ
рус.	Вот вышел сеятель сеять.
укр.	От вийшов сівач сіяти.
бел.	Вось вышаў сявец сеяць.
бол.	Ето, излезе сеяч да сее.
с.-х.	Гле, изиђе сијач да сије.
слвн.	Glej, izšel je sejalec sejat.
слвц.	[Raz] vyšiel rozsievач, aby rozsieval.
чеш.	Aj, vyšel rozsevač, aby rozsival.
пол.	Oto wyszedł rozsiewca, aby rozsiewał.
в.-луж.	Hlaj, syjeł wuńdže k rozsywanju.
н.-луж.	Lej, jaden sejc žešo ven set.

3. СТАРОСЛАВЯНСКИЙ И ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫКИ

Близкое родство славянских языков очевидно, и по мере углубления в древность сходство между ними увеличивается, в идеале стремясь к тождеству. Это объясняется тем, что все славянские языки восходят к одному источнику, праязыку, который называют праславянским, или общеславянским. На этом языке в определенную эпоху говорил народ (славянское племя или союз племен), сознающий свое единство. Праславянский язык – один из языков индоевропейской семьи, то есть он, в свою очередь, является продолжением праиндоевропейского, или общеиндоевропейского праязыка.

Праславянский, как и его предок праиндоевропейский, является языком бесписьменным: нам не известны памятники, написанные на праславянском языке. Его формы реконструируются при помощи сравнительно-исторического метода, то есть путем сравнения форм различных славянских языков и диалектов между собой и с родственными индоевропейскими языками. Из индоевропейских языков наиболее близкими к славянским и тем самым наиболее важными для реконструкции праславянских форм являются балтийские языки (литовский, латышский и мертвый прусский). Например, из приведенных выше форм современных славянских языков со значением "береза" (в ст.-сл. памятниках слово **БРѢЗА** не зафиксировано, хотя с легкостью может быть реконструировано, так как от него в старославянском образовано название месяца апреля – **БРѢЗЪНЪ**) можно вывести праславянскую форму **berza*, которая в свою очередь восходит к праиндоевропейскому **bherǵʰā* "светлое дерево" (ср. лит. *bėržas*, др.-инд. *bhūrjā-*, др.-англ. *beorc*, др.-в.-н. *birihha*; сюда же, вероятно, лат. *frāxinus* "ясень"). И.-е. корню **bher-* "светлый, блестящий, белый" родственны псл. **bělъ* и ст.-сл. **БѢЛЪ** "белый". Предпринимаются попытки реконструировать не только праславянские формы, но и тексты на этом языке.

Таким образом, после распада индоевропейской

общности выделилось племя славян со своим языком. Возникновение, развитие и распад праславянского языка имели длительную историю, которая является предметом изучения сравнительной грамматики славянских языков. Можно предполагать, что обособление праславянского языка началось в 3-м – 2-м тысячелетиях до н.э. Распад же праславянского языка и зарождение отдельных славянских языков относят обычно к V–VII вв., а иногда и к значительно более позднему времени – к X–XII вв. Следует подчеркнуть, что к середине IX в., то есть ко времени создания славянской письменности, несмотря на огромную территорию, занимаемую славянскими племенами, языковые или диалектные различия между отдельными группами славян были столь незначительны, что современники воспринимали эти различия как различия внутри одного языка. Совершенно оправданно вместе с тем изучение этих различий как фактов истории самостоятельных языков в исторических грамматиках отдельных славянских языков.

4. ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАВЯНАХ

Впервые славяне упоминаются в сочинениях римских и греческих авторов в I–II вв. У Плиния Старшего в "Естественной истории" (около 77 г.) они называются *venedi(s)*, у Корнелия Тацита в "Германии" (98 г.) – *veneti*, у Клавдия Птолемея в "Географии" (ок. 178 г.) – *Οὔενεδαι (venedai)*. Информация о славянах у этих авторов шла через германское посредство, отсюда и имя *venedi*; немцы до сих пор называют лужичан *Wenden* (ср. названия русских у финнов – *venäjä*, у эстонцев – *vene*; тоже через немецкое посредство). Таким образом очевидно, что *venedi* I–II вв. – славяне, но это не самоназвание.

Традиционно считается, что под своим собственным именем – **СЛОВѢНЕ** (в такой форме этот этноним встречается в старославянской письменности; ед. ч. **СЛОВѢННИНЪ**) – славяне становятся известны в VI в.: древнейшим признается свидетельство Прокопия Кесарийского под 527 г. Однако уже в "Географии"

Птолея (II в.) имеется упоминание о Σλαυαυοί и Σουοβηνοι, в которых многие слависты издавна видят попытку передать самоназвание славян. В греко-латинских источниках VI в. имя СЛОВѢНѢ обычно передается следующим образом: Σκλαβηνοι, Σκλαβινοι, Σκλαυοι, Σθαβινοι; Sclaveni, Sclavini, Sclavi, Stlavi. Вставка согласного между [s] и [l] объясняется особенностями греческой и латинской фонетики, так как этим языкам было чуждо произношение сочетания [sl]. Византийский историк Иордан (гот по происхождению) утверждал, что в его время, то есть в середине VI в. (551 г.) славянского единства уже не существовало. Он говорит о трех группах славян – венедах, словенах и антах, подчеркивая их бывшее единство: "происходя из одного корня, они имеют теперь три имени". Что касается третьего славянского имени – анты (Ἀντιες, Ἀνταί, Antes, Anti), не являющегося самоназванием и не поддающегося этимологизированию на славянской почве (возможно, исконно это было название какого-то неславянского народа), то это скорее всего обозначение политического объединения – славянского племенного союза (возможно, славяно-аварского), существовавшего непродолжительное время, так как с VII в. это имя больше не упоминается в источниках.

5. ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН

Примерно в VI–VII вв. начинается распад праславянского языка, но говорить о существовании отдельных славянских языков и групп языков, а значит, и самостоятельных этносов (народностей) для этого времени не представляется возможным. Такие термины, как "восточнославянский", "южнославянский", "западнославянский", носят условный характер: это скорее географические, а не этноязыковые понятия. Формированию новых славянских этносов и языков способствовало возникновение первых государств на обширной территории, занятой славянскими племенами.

Они, вероятно, выросли из военно-политических объединений славян, которые в византийских источниках конца VI – начала VII вв. получили название "славиний" (или "славий").

Первым государственным объединением славян, оставившим какой-то след в исторической памяти, было государство Сáмо, сложившееся в 20–30 гг. VII в. и названное по имени князя, основавшего его. Оно объединяло часть западных и южных славян на территории нынешних Чехии, Моравии, Словакии, Словении и Хорватии, однако быстро распалось после смерти своего основателя в 658 г. В 680 г. возникает так называемое Первое болгарское царство, просуществовавшее до 1018 г. В IX в. на юге современной Моравии появляется Великоморавское княжество. В IX в. в районе озера Балатон (современная Венгрия) появляется Паннонское (Блатенское) княжество, которое в 874 г. вошло в состав Великоморавского княжества. У восточных славян к концу IX в. складывается единое государство – Киевская Русь, распавшееся к середине XII в. Усложнение общественной жизни, вызванное появлением первых славянских государств, создавало благоприятные условия для появления письменности.

С другой стороны, в VIII–IX вв. славянские государства принимают христианство, и в связи с этим со стороны славян возникают попытки войти в контакт с церковной иерархией для получения текстов, трактующих нормы церковной и светской жизни в соответствии с верой. Естественно, что тексты эти должны были быть изложены на понятном славянам языке.

Очевидно, зачатки письма существовали у славян и раньше, однако с принятием христианства активизируются попытки создания более развитой письменности. Вначале славяне пытались записывать свою речь при помощи букв греческого (очевидно, на территориях, граничащих с Византией; однако до нас не дошло документальных свидетельств этого; то, что это в принципе вполне возможно, подтверждают обнаруженные надписи на протоболгарском (тюркском)

языке, сделанные греческими буквами) и латинского (на территориях, граничащих с империей Каролингов, что подтверждают документальные свидетельства) алфавитов. Интересно, что инициатива использования существовавших алфавитов для записи своей речи принадлежала самим славянам, о чем, в частности, сообщает такой авторитетный источник, как трактат "О письменах" древнеболгарского писателя "черноризца Храбра". Это сочинение, написанное, вероятно, между 886 и 893 гг. и являющееся фактически первым очерком истории славянской письменности, было создано с целью разъяснения достоинств собственно славянского алфавита как средства передачи славянской речи.

Механическое приспособление греческих и латинских букв не привело в конечном итоге к созданию полноценной письменности и, в частности, к письменной традиции. Появление в середине IX в. (около 863 г.) более совершенной системы славянского письма связано уже с именами Кирилла и Мефодия.

6. СОЗДАНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Основными источниками, наших сведений о создании первого славянского алфавита и славянской письменности, а значит, и того языка, который мы называем старославянским, являются жития их создателей – братьев Константина и Мефодия.

Константин (род. в конце 826 – начале 827 г., ум. в 869 по сентябрьскому летоисчислению, принятому в Византии), прозванный Философом за ученость, а в монашестве принявший имя Кирилл, и его старший брат Мефодий (род. – ок. 815 г.[?], ум. в 885 г.; мирское имя неизвестно) были родом из Фессалоники (совр. Салоники; славянское название – Солунь), одного из крупнейших городов Византийской империи, расположенного в районе со смешанным славянским и греческим населением. Вероятно, они были греками, но не исключено их славянское происхождение. Во всяком случае они, видимо, в одинаковой степени владели как греческим, так и славянским языками.

Константин учился в Константинополе в эпоху культурного подъема, в частности характеризовавшегося повышенным интересом к филологическому изучению античных текстов, а его учителями были выдающиеся деятели византийской культуры Лев Математик и Фотий, ставший впоследствии патриархом. Константин был членом, а может быть, и главой византийских дипломатических миссий в Хазарский каганат и Арабский халифат, во время которых он в частности изучал языки, что было редким занятием в среде византийской интеллигенции.

В 862 (или в 863) г. в Константинополь к императору Михаилу III прибыло посольство от великоморавского князя Ростислава с просьбой прислать мораванам "епископа и учителя", который изложил бы им на их языке христианскую веру (видимо, этому предшествовало аналогичное обращение к папскому престолу, на которое, однако, не было получено положительного ответа). Византийское правительство откликнулось на эту просьбу, и не позднее 864 г., скорее всего в 863 г., в Моравию была послана миссия во главе с Константином и Мефодием, которые создали славянский алфавит и перевели богослужебные книги с греческого на славянский язык. Таковы сведения, сообщаемые историческими источниками.

Однако письмо, созданное Константином, по общему мнению славистов, столь совершенно, что должно рассматриваться как результат длительной работы. Эта работа была, видимо, начата Константином Философом заблаговременно (вероятно, до приглашения в Великую Моравию) и, очевидно, по поручению византийского правительства, которое в 1-й половине IX в. активно поддерживало миссионерскую деятельность византийского духовенства на пограничных с Империей славянских землях. Дело в том, что на окраинах Империи и в приграничных с Болгарским царством (официальное крещение Болгарии римскими священниками — неожиданное для Константинополя — датируется 865 г.; в 870 г. после неудачных попыток болгар получить разрешение от папы на собственного епископа произошла переориентация на Византию) районах славяне

оставались единственным языческим народом на территории Византии, хотя большинство византийских славян уже приняло христианство. Последнее обстоятельство очень важно, поскольку указывает на то, что возникновение славянской письменности и переводческая деятельность Кирилла и Мефодия проходили в условиях уже сложившейся христианской речевой традиции у славян.

Таким образом, начатая Константином еще в Византии работа по созданию письменности для славян, живших на территории Империи и в прилегающих к ней районах, была продолжена в Великой Моравии, где Константин и Мефодий работали около трех лет. Кроме того, по приглашению князя Коцела несколько месяцев они очень плодотворно работали в Паннонии. Их деятельность в Моравии и Паннонии проходила в непростых условиях постоянной борьбы с немецким духовенством. Дело в том, что в церковном отношении Великая Моравия, официальное крещение которой относится к 831 г., и Паннония, принявшая христианство в конце VIII – начале IX в., подчинялись соответственно баварскому епископу и зальцбургскому архиепископу, которые, с одной стороны, были в значительной степени независимы от папского престола, а с другой – естественным образом действовали в интересах Восточнофранкского королевства. Баварские миссионеры, которые работали в Моравии с начала IX в., возражали против использования славянского алфавита (сами они записывали необходимые славянские тексты – переводы молитв – латинскими буквами) и против отправления богослужения на славянском языке. Константин и Мефодий во время моравской миссии опирались на поддержку Рима, которая была непоследовательной и противоречивой. В 870 г. Мефодий был поставлен папой паннонским архиепископом, в чью епархию входили Великая Моравия, Паннония и некоторые другие славянские земли, что, конечно, обострило отношения с немцами, в частности, с зальцбургским архиепископом. Эта борьба с немецким духовенством непродолжительное время велась учениками Кирилла и Мефодия и после сме-

рти Мефодия и закончилась запрещением славянского богослужения и их изгнанием.

После изгнания из Моравии ученики Кирилла и Мефодия направляются в Болгарию, Хорватию, Сербию. Кирилло-мефодиевские традиции славянской письменности продолжались (может быть, возродились) в X в. и среди западных славян – в Чехии, которая отделилась от Великоморавского княжества в 895 г., а через Чехию, возможно, даже и в Польше. То, что не удалось сделать в Великой Моравии, а именно, создать славянскую письменную традицию, было достигнуто в Первом Болгарском царстве, где в 893 г. славянский язык был провозглашен на Преславском соборе языком церкви и государства, сменив греческий, и откуда он распространялся на другие славянские и не только славянские территории. Эту дату – 893 г. – можно условно считать временем окончания классического периода старославянского языка, началом которого может считаться 863 г.

Таким образом, старославянский язык – это первый славянский письменно-литературный язык, сложившийся во 2-й половине IX в. в процессе переводческой деятельности Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. Этот язык в том виде, в каком мы представляем себе его существование во 2-й половине IX в. – 1-й четверти X в., в значительной степени является результатом реконструкции (хотя и достаточно надежной). Это связано с тем, что до нас не дошли письменные памятники старославянского языка, относящиеся к этому периоду. Древнейшие рукописные книги и надписи, которыми располагают слависты, относятся к X–XI вв. Эти немногочисленные памятники являются более или менее точными копиями (если говорить о рукописях как о наиболее важных источниках) древнейших, что и делает возможным реконструкцию кирилло-мефодиевских переводов и тем самым начального состояния старославянского языка.

7. ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЫ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Специфика славянских языков на фоне других индоевропейских состоит в том, что древнейшая фиксация славянской речи, представленная старославянскими памятниками, по времени почти совпадает или отстоит совсем не намного от позднего праславянского языка. Соответственно с момента зарождения славистики и на протяжении всего XIX в. старославянский язык прежде всего использовался в качестве источника материалов для сравнительно-исторических реконструкций праславянского и праиндоевропейского языков. Старославянский язык служил как бы моделью для праславянского языка. Сказанным объясняется то значение, которое всегда придавалось проблеме диалектной основы старославянского языка, то есть выяснению того, на базе какого славянского говора (или языка) создавался первый славянский алфавит и осуществлялись первые переводы.

В современной славистике этот вопрос можно считать более или менее решенным. Большинство славистов сходятся в том, что свой алфавит и первые переводы с греческого Константин создавал, ориентируясь на тот славянский говор, который был ему знаком с детства, а именно, говор славян солунских. Как показали исследования кирилло-мефодиевских переводов, братья были билингвами с одинаковой степенью владения греческим и славянским языками. Кроме того после диалектологических исследований, проведенных в конце XIX в. в районе Салоник, где проживает славянское население, стало очевидным, что в основу первого славянского алфавита лег звуковой строй македонских говоров окрестностей Солуны. Еще одним аргументом в пользу болгаро-македонской основы старославянского языка является тот факт, что многие греческие заимствования не книжного характера проникали в язык первых переводов из живой речи болгаро-македонских славян, соседствовавших и контактировавших с греческим населением.

Однако старославянский язык как язык письменно-литературный изначально коренным образом отличался от живых языков и диалектов тех славян, которые пользовались им. Его нельзя отождествлять и с говором солунских славян. Видимо, он был одинаково понятным и непонятным, требовавшим изучения, для всех славян IX-X вв. Будучи в первую очередь языком церковным, литургическим, он выражал понятия и идеи, далекие от обыденной жизни древних славян, что потребовало создания большого количества новых славянских слов — калек с греческого (**ДЪВОДОУШНѢ** "сомнение" < греч. διψυχία; **БЛАГОСЛОВИТИ**, **БЛАГОСЛОВЕСИТИ** "воздать хвалу", "благословить" < греч. εὐλογεῖν) и заимствований (**НКОНОМЪ** "управляющий" < греч. οἰκονομος; **ОУСНІА** "существо" < греч. οὐσία; **ВЛАСВНМІСАТИ**, **ВЛАСВНМІАТИ** "богохульствовать" < греч. βλασφημεῖν) сверх тех, которые уже существовали в языке солунских славян, издавна контактировавших с греческим населением (например, основная форма ст.-сл. памятников **СЪБОТА** "суббота" < греч. диал. σάββατον; греч. литер. σάββατον давало более редкую форму **СОБОТА**, которая тоже встречается в памятниках). Греческие элементы пронизывали все уровни старославянского языка, особенно лексику и синтаксис как наиболее тесно связанные со смыслом, но также и фонетику. Кроме того уже на начальном этапе своего существования этот язык включал в себя черты других славянских диалектов, как южных, так и западных, в частности, лексику из диалектов моравских и паннонских славян (например, **АШЮТЬ** "напрасно", **РЪСНОТА** "истина", **ОТЪЛѢКЪ** "остаток" и др.). Наличие в старославянских памятниках целого ряда подобных слов, а также заимствованных из латинского и немецкого (например, **ОЦЪТЪ** "уксус" из лат. acetum, **ПОСТЪ** из др.-в.-н. fasta, **МЪННХЪ** из др.-нем. munich < лат. monicus < греч. μοναχός) легло в основу так называемой паннонской теории происхождения старославянского языка. Согласно этой популярной в XIX в., но в настоящее время никем не разделяемой теории, первые переводы были ориентированы на язык предков нынешних словенцев.

С проблемой определения диалектной основы языка кирилло-мефодиевских переводов отчасти связаны и терминологические трудности. В славистике нет одного устоявшегося названия этого языка. Некоторые слависты (особенно болгарские) пользуются термином "древнеболгарский". В этом случае ставится знак равенства между языком кирилло-мефодиевских переводов и начальным этапом истории языка болгарских славян, что не правомерно ни с хронологической (даже для X в. еще очень трудно говорить об отдельных славянских этносах и языках), ни с географической (особенно с учетом того факта, что территория, например, салунских славян никогда не входила в состав болгарского государства) точек зрения, хотя действительно именно в Болгарии имел место расцвет старославянской письменности, а большинство древнейших дошедших до нас славянских памятников являются источником изучения древнеболгарского языка. Другие слависты используют применительно к первым переводам термин "древнецерковнославянский" в противопоставлении термину "церковнославянский", которым обозначаются более поздние территориальные разновидности, или "изводы" старославянского языка; этот термин подчеркивает первоначальную функцию старославянского языка как языка культового, но не учитывает его диалектную основу. Сами же славянские книжники, пользовавшиеся старославянским языком, не знали этих проблем и называли его просто "славянским" — **СЛОВѢНСКЪ ЯЗЫКЪ**.

В связи со сказанным следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Древние славяне имели единую устно-поэтическую речевую традицию. Некоторые слависты даже говорят о едином "литературном" языке, который был представлен в древних славянских фольклорных текстах. Возможно, что эта развитая народно-поэтическая речь (наряду с уже существовавшей христианской обрядностью) способствовала быстрой выработке языковых средств, необходимых для первых славянских переводов, но что еще важнее — быстрому усвоению старославянской письменности как своей широкими кругами славянства.

8. ГЛАГОЛИЦА И КИРИЛЛИЦА

Древнейшие старославянские памятники написаны двумя видами письма – глаголицей и кириллицей. В связи с этим возникает ряд вопросов, ключевыми из которых являются два: какой из двух алфавитов был создан Кириллом? и какой из них более древний? Прямого ответа на эти вопросы исторические источники не дают, и дискуссии по данным проблемам имеют в славистике длительную историю.

В настоящее время более или менее общепризнанным является мнение, согласно которому Кирилл создал именно глаголицу, а позднее на ее основе возникла кириллица.

Мнение о том, что автором глаголицы был Кирилл, основано на следующих косвенных аргументах:

1) глаголица в большей степени, чем кириллица, подходила для передачи солунского диалекта, носителем которого, очевидно, и был Кирилл (см. с. 35–43);

2) начертания глаголических букв скорее всего свидетельствуют об индивидуальном творчестве, хотя некоторые буквы имеют соответствия в других алфавитах или их можно возвести к буквам других алфавитов, главным образом греческого и древне-еврейского;

3) об индивидуальном творчестве свидетельствует и тот факт, что при создании букв глаголицы были использованы христианские символы: крест – буква "АЗЪ" (+); треугольники "▽" и "△" (символ троицы) и круг "○" (символ бесконечности божества) послужили элементами для создания букв "НЖЕ" (⌘) и "СЛОВО" (⌘), которые используются для передачи греческого сокращения имени Иисус (Ιησους) – ΙΣ = глаг. ⌘ ⌘ (кир. ІС);

4) есть основание считать, что первоначально имя Кирилла носила именно глаголица: сохранилась новгородская кириллическая рукопись XV в. с текстом 1047 г. – записью писца Упия Лихого, в которой он сообщает, что переписал книгу "ИС КҀРИЛОВИЦѢ" ("с кириллицы"), то есть с письма, имеющего другой вид, чем то, которым он сам пользуется, а это означает, что

под "куриловицей" он подразумевает глаголицу в современном понимании (термин "глаголица" возник, видимо, сравнительно поздно – в Хорватии в XVI в.; ср. *glagoljaši* – католический священник, использующий глаголические книги во время богослужения).

В пользу большей древности глаголицы свидетельствуют следующие аргументы:

1) числовое значение соотносимых букв глаголицы и кириллицы не совпадает, причем если в глаголице все буквы от **АЪЪ** до **УРЬВЪ** включительно (в том числе не имеющие соответствий в греческом алфавите: **Ш** – 2, **Ж** – 7, **М** – 30, **Ф** – 1000) имеют числовое значение, рост которого строго соответствует порядку букв, то в кириллице буквы **Б** и **Ж**, созданные для передачи славянских фонем и добавленные к греческому алфавиту, числового значения не имеют; имеющиеся в славянских памятниках ошибки, вытекающие из несоответствия числового значения свидетельствуют о большей древности глаголицы;

2) азбучные молитвы имеют два стиха на **Х** и три на **Н**, а это свидетельствует о наличии в исходной азбуке двух букв для передачи [х] (возможно, первоначально для различения [х'] и [х]) и трех букв для передачи [и] (вероятно, первоначально также с разной звуковой значимостью), что характерно именно для глаголических памятников: ср. **З**, **Д**, **Т** употребляются в соответствии с кириллическими **Н** и **І**, а **Б** "ХЪРЪ" и **Ѧ** "ХЛЪМЪ" ("паукообразное х", встречающееся очень редко и только в слове **ХЛЪМЪ**) – в соответствии с **Х**;

3) существуют памятники, содержащие и глаголические и кириллические буквы: во-первых, это рукописи, в которых основной текст писан глаголицей, но которые имеют более поздние кириллические записи на полях и приписки; во-вторых, это переписанные с глаголических оригиналов кириллические рукописи со спорадическими вкраплениями глаголических букв, вызванными влиянием оригинала (оба типа памятников говорят в пользу большей древности глаголицы сравнительно с кириллицей);

4) кроме того, имеются памятники, в которых кириллический текст нанесен поверх соскобленного

более древнего глаголического (и никогда наоборот); это так называемые палимпсесты (от греч. παλινψιστος).

Видимо, Кирилл создавал глаголицу в соответствии с грамматической традицией, которая предполагала, что буквы письменности одного языка должны отличаться от букв письменности другого языка всеми тремя своими воплощениями: начертанием (в латинской грамматической терминологии – *figura*), значимостью (*potestas*) и названием (*nomēn*). Однако необычность начертаний букв глаголицы, возможно, была связана и с тем, что ее создатель, работая в условиях трений между Римом и Константинополем, из соображений дипломатии хотел, чтобы новый славянский алфавит не был похож ни на латинский, ни на греческий.

Что касается второго старославянского алфавита, то возникновение и начало широкого распространения кириллицы, в том числе замена ею глаголицы, очевидно, относится к деятельности учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии, где в конце IX в. при грекофиле царе Симеоне сложились наиболее благоприятные условия для развития славянской письменности. Замена глаголицы кириллицей – так называемое **ПРѢЛОЖЕНІЕ КЪНИГЪ**, то есть "переложение, изменение письма" – означала в определенном смысле нарушение кирилло-мефодиевских традиций, хотя и была проведена, вероятно, одним из учеников Кирилла и Мефодия Константином Преславским (некоторые слависты связывают создание кириллицы с именем другого их ученика – Климента Охридского). Новый алфавит – кириллица – представлял собой греко-византийский устав (унциал), дополненный теми глаголическими буквами, которые были специально предназначены для передачи славянских звуков (позднее они были стилизованы под греческий устав). Восточноболгарский эпиграфический материал X–XI вв. (в частности, двуязычные греко-славянские граффити) показывает, что с палеографической точки зрения между греческим и славянским текстом нет различий. Замена глаголицы кириллицей была осуществлена в Болгарии, так как именно там существовала длительная традиция употребления греческого письма "без устройства" (по

выражению черноризца Храбра, который ничего не говорит о существовании двух типов славянского письма), то есть без приспособления к строю славянской речи. Глаголица не была отвергнута, и обе азбуки были равноправны даже в Восточной Болгарии еще в середине X в.

Итак, глаголица – это искусственно созданный алфавит, а кириллица – исторически сложившийся алфавит, то есть греческое письмо, приспособленное к звуковому строю славянской речи (славянизированное) под влиянием глаголицы.

Таким образом, можно выделить следующие основные этапы развития славянской письменности:

1) до возникновения буквенного письма славяне, как и другие народы, знали различные типы первобытного письма, в частности, пользовались (согласно сообщению Храбра) "УРЪТАМН Н РЪЗЪТАМН" при совершении языческих обрядов и для примитивного счета;

2) использование греческого и латинского письма "без устроения" (примером последнего являются так называемые "Фрейзингенские отрывки", рукопись 2-й половины X в., содержащая запись латинскими буквами молитв, переведенных на славянский, видимо, в Моравии в 1-й половине IX в.);

3) создание глаголицы (отчасти под влиянием греческого письма);

4) возникновение кириллицы, то есть славянизация греческого алфавита по образцу глаголицы.

В приведенной ниже таблице представлены глаголический и кириллический алфавиты: 1 столбец – название буквы (в круглых скобках, где это возможно, восполнены "недостающие" буквы названия, указывающие на его происхождение); 2 – начертание глаголицы (через запятую даются варианты начертаний с одинаковой значимостью; в круглых скобках указывается знак, используемый при транслитерации глаголического написания кириллицей; "-" – отсутствие буквы в глаголице; под * даются буквы, предположительно отсутствовавшие в первоначальной глаголице); 3 – числовое значение в глаголице; 4 – начертание кириллицы; 5 – числовое значение в кириллице; 6 –

звуковое (фонемное) значение в старославянском (знак "/" разделяет различные фонемные значения буквы, находящиеся в дополнительной дистрибуции; точкой с запятой и запятой отделяются возможные варианты звукового значения, причем первым указано фонемное значение в исходной глаголице).

1	2	3	4	5	6
АЗЪ	+	1	А	1	a
БОУКЪІ	Ѡ	2	Б	—	b
ВѢДѢ	Ѣ	3	В	2	w
ГЛАГОЛН	Ѧ	4	Г	3	g
ДОБРО	Ѧ	5	Д	4	d
ЮСТЬ	Э	6	Є	5	e
ЖНВѢТЕ	Ж	7	Ж	—	ž'
ЗѢЛО	Ѣ(з)	8	З,з	6	d'z'
ЗЕМЛѦ	Ѣ	9	З	7	z
НЖЕН	Ѧ(ї)	10	І	10	ji/i
[НЖЕН]	Ѧ(і)	—	—	—	ji/i
НЖЕ	Ѣ	20	Н	8	ji/i
НЄ(ОНА)	Ѧ(н)	30	—	—	ŷ', g'
КАКО	Ѧ	40	К	20	k
ЛЮДНЄ	Ѣ	50	Л	30	l
МЪІСЛНТЕ	Ѣ	60	М	40	m
НАШЬ	Ѣ	70	Н	50	n
ОНЪ	Ѣ	80	О	70	o
ПОКОН	Ѣ	90	П	80	p
РЪЦН	Ѣ	100	Р	100	r
СЛОВО	Ѣ	200	С	200	s
ТВРЬДО	Ѣ	300	Т	300	t
НК(ОНОМ)Ъ,	Ѣ	400	У	400	ü; i, v
ижица					
ОУКЪ	ѢѢ	400	ОУ, Ѣ	400	u
ФРЬТЪ	Ѣ	500	Ф	500	f
ХѢР(ОУВНМ)Ъ	Ѣ	600	Х	600	x
ОТЪ, ѠТ	Ѣ	700?	Ѡ	800	o
ПѢ, ПЄ	?	800	—	—	?
ЦН	Ѣ	900	Ц	900	c'
УРЬВЪ	Ѣ	1000	У	90	č'
ША	Ш		Ш	—	š'
ШТА	*Ѣ	800	Ѣ	—	š'č', š't'

ѦРЪ	Ѧ	-	Ъ	-	ь
ѦРЪІ	ѦЗ	-	ЪН	-	у
	ѦѦ, ѦТ		ЪІ		
ѦРЪ	Ѧ	-	Ь	-	ь
ѦТЬ	Ѧ	-	Ѧ	-	jě/ě
ХѦМЪ	Ѧ	-	-	-	х
Ю, ЮСЪ	Ѧ	-	Ю	-	ju/u
юс большой	Ѧ	-	Ѧ	-	q
юс малый	Ѧ	-	Ѧ	-	ję/ę
йотированный					
юс большой	Ѧ	-	Ѧ	-	jǫ/ǫ
йотированный					
юс малый	*Ѧ	-	Ѧ	900	q
йотированное Ѧ	-	-	Ѧ	-	ja/a
йотированное Ѧ	-	-	Ѧ	-	je/e
КСН	-	-	Ѧ	60	ks
ПСН	-	-	Ѧ	700	ps
ФНТА	Ѧ	-	Ѧ	9	θ; t, f

9. КОРПУС ТЕКСТОВ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Большинство текстов, написанных на старославянском языке, представляют собой переводы с греческого. Это в первую очередь богослужебные книги. Еще в Византии Константин начал переводить на славянский язык греческое служебное евангелие. В Великой Моравии Константин и Мефодий закончили начатый перевод евангелия, а также перевели (предположительно в 864 – 867 гг.) Апостол, Псалтырь, которая в Средние века была первой и главной книгой при обучении грамоте, а также некоторые другие тексты, в том числе, Номоканон (сборник церковных законов – сокращенный перевод "Номоканона" Иоанна Схоластика). Затем, уже после смерти Константина, Мефодий со своими учениками сделал перевод значительной части библейских текстов. Кроме того ими – в сотрудничестве с моравскими властями – был создан древнейший памятник славянского права – "Закон судный людем". К этому же периоду, вероятно, относится и создание

Жития Кирилла, основоположника славянской письменности. Позднее в Болгарии, в царствование царя Симеона (893 – 927 гг.), переводятся новые греческие тексты, в том числе, создаются компилятивные сборники, а также пишутся оригинальные сочинения на старославянском языке, например, Житие Мефодия, Житие Наума (одного из учеников Кирилла и Мефодия), трактат "О письменах" черноризца Храбра. Следует упомянуть и такое философско-богословское сочинение как "Шестоднев" Иоанна Экзарха, выдающегося болгарского писателя X в., представляющий собой по большей части перевод и компиляцию с греческого.

Однако не все тексты, написанные на старославянском языке, одинаково важны при описании классического старославянского языка. Большинство из них, особенно оригинальные, дошли до нас в сравнительно поздних списках и редакциях, довольно далеко отошедших от первоначальных авторских текстов. Проблемами истории текстов занимается текстология.

10. ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ТЕКСТОЛОГИИ

Основными источниками изучения старославянского языка служат памятники письменности, которые являются объектом исследования также представителей смежных наук – историков, палеографов, текстологов, искусствоведов и других. Данные этих наук носят для лингвиста вспомогательный характер. На начальном этапе лингвистического исследования того или иного старославянского памятника первостепенную роль играют палеографические и текстологические данные.

Базовыми понятиями текстологии применительно к изучению старославянской письменности являются понятия текста как языкового выражения некоего смыслового ряда и рукописи как конкретного проявления текста в письменной форме (т.е. списка текста). Один и тот же текст может быть представлен в нескольких списках, и наоборот, одна рукопись может содержать списки как одного, так и нескольких текстов

(т.е. произведений в широком смысле слова). В противопоставлении "тексту" термины "письменный памятник", "рукопись", "список текста" выступают как синонимы, подчеркивающие разные аспекты одного понятия.

Текст в свою очередь может иметь несколько редакций, т.е. вариантов текста, возникших в результате целенаправленной, часто идеологической, переделки текста книжниками. Кроме того текст может изменяться в процессе его переписывания на разных территориях в течение длительного времени. Такие произвольные изменения текста под пером переписчиков, принадлежащих различной книжной среде, наслаиваясь, приводят к возникновению извода. Подобные изменения, как правило, имеющие не идеологическую, а чисто языковую основу, важнее для собственно лингвистического анализа. Они отражаются во многих текстах, поэтому термин "извод" обычно используется в более широком смысле – как совокупность языковых особенностей, характеризующих определенную территориальную разновидность церковнославянского, или старославянского языка позднего периода.

Авторские тексты старославянской письменности до нас не дошли, но на основе сравнения сохранившихся списков, редакций и изводов можно с той или иной степенью приближенности реконструировать архетип (т.е. первоначальный вид) текста. Каждая дошедшая до нас старославянская рукопись представляет собой список с более древней рукописи, которая является ее протографом, или оригиналом. Некоторые языковые черты протографа могут быть выявлены в результате лингвистического анализа дошедшей до нас рукописи.

Сказанное можно проиллюстрировать на следующем примере. Авторский текст Жития Кирилла, созданный, вероятно, в Великой Моравии между 869 (год смерти Кирилла) и 880 годами, до нас не дошел. Мы располагаем 48 списками этого текста, находящимися в рукописях середины XV – начала XVIII вв. Архетип Жития Кирилла, который реконструируется по этим спискам, представляет собой, вероятно, не первоначальный текст, а редакцию текста, возникшую в период

создания Жития Мефодия, то есть во второй половине 885 г. (год смерти Мефодия). В основу реконструкции кладут обычно список русского извода, находящийся в рукописном сборнике середины XV в. Этот список содержит редакцию текста, отличающуюся от той, более поздней, которую выявляют списки XV в. южнославянских изводов.

11. СТАРОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Для реконструкции классического старославянского языка, особенно его звукового и грамматического строя, в первую очередь привлекаются самые древние списки старославянских текстов. Что касается изучения лексики, то важную роль играют и более поздние списки и редакции. Древнейшие сохранившиеся до настоящего времени памятники письменности, написанные на старославянском языке и содержащие старославянские тексты, относятся к X – XI вв.

Как правило, старославянские рукописи не датированы и не локализованы, но в результате палеографического и лингвистического анализа памятников можно установить приблизительную дату и место их написания, а иногда и место написания протографа. Древнейшей датированной рукописной книгой, содержащей старославянский текст, является кириллическое Остромирово евангелие 1056 – 1057 гг., переписанное в Киевской Руси с восточноболгарского протографа и названное по имени заказчика – новгородского посадника Остромира (хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге). Однако этот памятник не всегда включают в число старославянских, так как он несмотря на древность содержит явные черты языка восточнославянского переписчика. Обычно старославянскими в узком смысле считаются памятники X – XI вв., переписанные на территориях, где работали Константин и Мефодий и их ближайшие ученики, то есть главным образом македонские и болгарские, а также один западнославянский Западнославянским является

глаголический Киевский миссал (или Киевские листки) – недатированная, но, по-видимому, самая древняя из дошедших до нас старославянских рукописей, переписанная, вероятно, в X в. в Моравии (хранится в Библиотеке Украинской академии наук в Киеве). Содержит отрывок мессы по римскому обряду – перевод с латинского, то есть текст, непосредственно не связанный с деятельностью Константина и Мефодия.

Перечислим другие важнейшие старославянские памятники, группируя их по характеру содержащихся в них текстов и давая краткую характеристику каждому из них.

1. Зографское евангелие: написано глаголицей, переписано в конце X – XI вв. на территории Македонии, содержит текст четвероевангелия, или евангелия-тетр (от греч. τέτρα "четыре"), то есть такого типа евангелия, в котором последовательно даны рассказы четырех евангелистов – Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Свое название получило по имени монастыря Зограф на Афоне, где было найдено. Сейчас находится в Российской национальной библиотеке (бывшая Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина) в Санкт-Петербурге.

2. Мариинское евангелие: глаголица, XI в., Македония, четвероевангелие. Названо по Мариинскому монастырю на Афоне, где памятник был найден. Сейчас хранится в Государственной национальной библиотеке (бывшая Государственная библиотека СССР им. Ленина) в Москве.

3. Ассеманиево евангелие: глаголица, XI в., Македония, содержит текст служебного евангелия, или евангелия-апракос (от греч. ἀπρᾱκτὸς "недельный"), то есть такого типа евангелия, где евангельские отрывки расположены в порядке недельных чтений во время церковной службы. Названо по имени директора Ватиканской библиотеки ориенталиста И. Ассемани, вывезшего рукопись из Иерусалима в Италию. Сейчас хранится в Ватиканской библиотеке.

4. Саввина книга: кириллица, XI в., Восточная Болгария, служебное евангелие. Названа по имени писца

рукописи, попа Саввы, который оставил приписки со своим именем. Сейчас хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

5. Боянское евангелие: глаголица, конец XI в., Болгария, служебное евангелие. Палимпсест, в котором по соскобленной глаголице XI в., прочитанной при помощи современных технических средств только во 2-й половине XX в., писан новый текст кириллицей XIII в. Названо по имени села Бояна близ Софии, где было найдено. Сейчас хранится в Государственной национальной библиотеке в Москве.

6. Листки Ундольского: кириллица, XI в., отрывок служебного евангелия. Названы по имени владельца В.М. Ундольского. В настоящее время находятся в Государственной национальной библиотеке в Москве.

7. Охридские листки: глаголица, XI в., отрывок служебного евангелия. Название получили по месту, где были найдены (г. Охрид). В настоящее время хранятся в Одесской государственной библиотеке им. Горького.

8. Синайская псалтырь: глаголица, XI в., Македония, содержит текст псалтыри без комментариев. Находится в Екатерининском монастыре на Синае. Два других древнейших списка псалтыри относятся к древнерусскому изводу и обычно выводятся за пределы старославянских памятников: Чудовская псалтырь XI в. и Евгениевская псалтырь XI в.

9. Енинский апостол: кириллица, XI в., Болгария, содержит текст апостола, книги содержащей деяния и послания учеников Иисуса Христа. Найден в 1960 г. в селе Енино в Болгарии. Хранится в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия в Софии. Два других древних списка апостола – Охридский и Слепенский (оба XII в.) – являются памятниками болгарского извода и не включаются в число старославянских.

10. Супрасльская рукопись: кириллица, XI в., Восточная Болгария, содержит текст мартовской минеи (от греч. μηνιαίος "месячный"), то есть книги для церковного чтения на все дни месяца (в данном случае – марта), включавшей главным образом жития святых и сочинения отцов церкви. Найдена в Супрасльском монастыре в Белостоке. В настоящее время большая

часть рукописи хранится в Варшаве, другая - в Любляне, третья - в Санкт-Петербурге.

11. Синайский требник: глаголица, XI в., Македония, представляет собой евхологий (греч. εὐχολογίων "молитвенник"), то есть сборник молитв и треб (церковных служб) на разные случаи жизни (часть текстов переведена с немецкого и латинского). Находится в библиотеке Екатерининского монастыря на Синае.

12. Сборник Клоца: глаголица, XI в., Македония, содержит отрывки из проповедей. Назван по имени владельца библиотеки, в которой был найден. В настоящее время одна часть рукописи находится в Тренто (Италия), другая - в Инсбруке (Австрия).

13. Хиландарские листки: кириллица, XI в., Восточная Болгария, содержат отрывок Поучений Кирилла Иерусалимского. Найдены в монастыре Хиландарь на Афоне. В настоящее время находятся в университетской библиотеке в Одессе.

14. Зографские листки: кириллица, XI в., Восточная Болгария, содержат отрывок из "Правил" Василия Великого. Хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

15. Рыльские листки: глаголица, XI в., содержат слова-наставления ("Увещения") Ефрема Сирина. Найдены в Рыльском монастыре в Болгарии. Находятся в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

16. Македонский глаголический листок: XI в., содержит отрывок Слова Ефрема Сирина. В настоящее время находится в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

17. Македонский кириллический листок: XI в., предположительно содержит отрывок одного из сочинений Иоанна Экзарха Болгарского. Находится в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Из памятников не рукописных для истории старославянского языка некоторый интерес представляет кириллическая надгробная надпись болгарского царя Самуила, датированная 993 г. Была найдена в церкви

села Герман (восточнее озера Преспа) в Болгарии (хранится в Национальном историческом музее в Софии). Еще более древняя кириллическая надпись, косвенно датируемая 927 - 940 гг., найдена в Преславе на надгробной плите Мостича. Древнейшей на настоящий момент датированной славянской надписью является надпись-граффити 921 г. на стене церкви-усыпальницы в скальном монастыре у села Крепча в Болгарии. Не позже середины X в. датируется по археологическим данным найденная при исследовании Круглой церкви в Преславе древнейшая глаголическая надпись. К этому же времени относится и древнейшая славянская глаголическая азбука (абecedарий), обнаруженная на стене той же Круглой церкви, - так называемая преславская азбука. Эти и другие глаголические и кириллические надписи в силу своей краткости не представляют большого интереса для реконструкции системы старославянского языка. Однако их материал важен при изучении проблем развития славянской письменности, то есть в общелингвистическом, а также в палеографическом отношении.

12. ПРИМЕРЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТОВ

Приведем два древних славянских текста: начальный отрывок из евангелия от Луки по глаголическому Зографскому евангелию и кириллическую надпись на надгробной плите Мостича.

I. Отрывок из Зографского евангелия (Лука, гл. I, 1-5)

[illegible]

ᲑᲠᲗᲚᲙᲗᲠᲗᲡᲗᲢᲗᲣᲗᲤᲗᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲠᲡᲢᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲡᲢᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲢᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 Ჺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲼ᲽᲾᲿ
 ᲽᲾᲿ
 ᲾᲿ
 Ჿ

[л. 131]

Текст с разделением на слова

3 ᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲡᲢᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲠᲡᲢᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲡᲢᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲢᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲣᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲤᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲥᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲦᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲧᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲨᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲩᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲪᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲫᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲬᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲭᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲮᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲯᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲰᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲱᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲲᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲳᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲴᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲵᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲶᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲷᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲸᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲹᲺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 Ჺ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲻᲼ᲽᲾᲿ
 ᲼ᲽᲾᲿ
 ᲽᲾᲿ
 ᲾᲿ
 Ჿ

Транслитерация кириллицей

ЕВАНГЕЛИЕ
 ОУЧЕНЫ
 ПОНЕЖЕ ОУБО. МНОЗИ НАУАША.
 УНИИТИ ПОВѢСТЬ. О ИЗВѢ-
 СТЪНЪИХЪ ВЪ НАСЪ ВѢШТЕХЪ.
 ЪКО ЖЕ ПРѢДАША НАМЪ. БЫВЪ-
 ШЕИ ІСКОНН САМОВНАДЦН.
 І СЛОУГЫІ СЛОВЕСН. ИЗВО-
 ЛН СА І МЪНѢ ХОЖАЬШЮ. І-
 СПРѢВА ПО ВСѢХЪ ВЪ ІСТН-
 НХЪ ПО РАДОУ. ПСАТИ ТЕБѢ.
 СЛАВЪНЪІ ТЕОФНЛЕ. ДА РА-
 ЗОУМѢШН. О НЪНХЪ ЖЕ НАОУ-

УНЛЪ СА ЕСИ СЛОВЕСЕХЪ. ОУТВРЪЖАЕНЬЕ.

Перевод

Евангелие от Луки. Поскольку многие начали составлять повествование о известных среди нас фактах, как [их] передали нам бывшие изначально очевидцами и последователями учения, захотелось и мне, следуя с самого начала за всеми, правдиво по порядку [в свою очередь?] написать тебе, Теофил, чтобы ты осознал достоверность (=утвердился в истинности) учения, которому ты был обучен.

Синодальный перевод греческого текста

От Луки святое благовествование

Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях,

Как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, -

То рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, Феобфил,

Чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен.

II. Надпись на плите чергубыля Мостича

Была найдена в Болгарии в 1952 г. Не датирована, но уверенно может быть отнесена к 60-м годам X века, поскольку в ней упоминается болгарский царь Петр, который правил с 927 по 969 гг.

СЪАЕЛЕЖИТЪМО
СТНУЪУРЪГОУБЪІ
ЛМБЪІВЪІПРН
СУМЕОНЪЦРН
НПРНПЕТРЪЦРН[?]
С[?]НЖЕАЕСА
ТЬЛЪТЪСЪІОСТА

ВНВЪ[?]РЬГОУБЪІЛЬ
СТВОІВЪСЕІМЪНН
ЕБЪІСТЪУРЬНОРН
ЗЪЦЫВЪТОМЪСЬ
ВРЪШНЖНЗНЬСВОЖ

Текст с разделением на слова

СЪДЕ ЛЕЖНТЬ МО-
СТНУЪ УРЬГОУБЪІ-
ЛЯ БЫВЪІН ПРН
СУМЕОНЪ ЦРН
Н ПРН ПЕТРЪ ЦРН [О]-
С[М]НЖ ЖЕ ДЕСА-
ТЬ ЛЪТЪ СЫ ОСТА-
ВНВЪ [У]РЬГОУБЪІЛЬ-
СТВО І ВЪСЕ ІМЪНН-
Е БЪІСТЪ УРЬНОРН-
ЗЪЦЬ І ВЪ ТОМЪ СЪ-
ВРЪШН ЖНЗНЬ СВОЖ

Тот же текст с раскрытием титл и знаками препинания

СЪДЕ ЛЕЖНТЬ МОСТНУЪ, УРЬГОУБЪІЛЯ
БЫВЪІН ПРН СУМЕОНЪ ЦЪСАРН Н ПРН
ПЕТРЪ ЦЪСАРН. ОСМНЖ ЖЕ ДЕСАТЬ ЛЪТЪ
СЫ, ОСТАВНВЪ УРЬГОУБЪІЛЬСТВО І ВЪСЕ
ІМЪННЕ, БЪІСТЪ УРЬНОРНЗЪЦЬ. І ВЪ ТОМЪ
СЪВРЪШН ЖНЗНЬ СВОЖ.

Перевод

Здесь лежит Мостич, бывший чергубыля [в др.-болг. языке – несклоняемое существительное протоболгарского (тюркского) происхождения, обозначавшее одну из высших государственных должностей в Первом болгарском царстве] при царе Симеоне и при царе Петре. Когда же ему было 80 лет, оставил чергубыльство свое и все имущество и стал монахом. И так закончил жизнь свою.

ФОНЕТИКА

1. СПЕЦИФИКА И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СТАРΟΣЛАВЯНСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Описание звуковой системы старославянского языка носит несколько условный характер и представляет специфические трудности. Они связаны с тем, что старославянский является языком письменно-литературным, поэтому, когда говорят о его фонетической системе, то главным образом имеют в виду фонетические системы живых языков или диалектов тех славян, которые пользовались этим языком как своим. Соответственно, когда мы говорим об исходной звуковой системе старославянского языка, то в первую очередь подразумеваем фонетическую систему солунского говора (и/или солунского городского койне), принимая во внимание также двуязычие создателей славянской письменности. С другой стороны, описывая старославянскую фонетику, мы должны учитывать те изменения, которые происходили в связи с распространением славянской письменности, в частности, например, приспособление глаголицы к языку моравских и паннонских славян или замену глаголицы кириллицей, которая имела место у славян болгарских.

При описании звукового строя старославянского языка, нужно иметь в виду, что дошедшие до нас письменные памятники отражают результаты фонетических изменений, относящихся к хронологически разным пластам (это относится, разумеется, не только к фонетике):

1) первый слой – самый поверхностный – это звуковые явления, характеризующие непосредственно язык переписчиков, а древнейшие памятники, дошедшие до нас, были написаны главным образом во 2-й половине X – XI вв.;

2) второй слой – это языковые явления, характерные

для фонетической системы периода создания славянской письменности и в целом для классического старославянского языка, то есть для 2-й половины IX в. (некоторые из сохранившихся памятников были, вероятно, переписаны с оригиналов, созданных в этот период);

3) третий слой – это явления, отражающие праславянские фонетические изменения, имевшие место в дописьменный период; они важны, во-первых, для понимания своеобразия старославянского звукового строя, а во-вторых, помогают разобраться в некоторых особенностях формо- и словообразования.

Реконструируя фонетическую систему старославянского языка, мы можем пользоваться следующими основными источниками:

1) филологический и фонологический анализ глаголицы и кириллицы;

2) орфография старославянских памятников;

3) данные современных славянских языков и диалектов;

4) фонетическое освоение заимствований.

Особое значение, в том числе и общепилологическое, имеет анализ глаголического и кириллического алфавитов.

2. ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛИЦЫ И КИРИЛЛИЦЫ

Поскольку глаголица не была исторически сложившимся письмом, а была специально создана для передачи славянской речи, естественно предположить, что глаголический алфавит имел строго фонологический характер, то есть отражал только фонематически существенные противопоставления. Однако это предположение не означает, что исходное старославянское письмо представляло собой фонематическую транскрипцию славянской речи (хотя в значительной степени приближалось к ней). Дело в том, что глаголица создавалась под сильным влиянием греческого письма, а с другой стороны, Кирилл мог использовать графические

принципы, которые, в конечном счете основываясь на славянской фонематике, нарушали соотношение "одна фонема = одна графема" (так называемый фонографический принцип). Рассмотрим далее более подробно сходства и различия между глаголицей и кириллицей с точки зрения передачи ими звуков славянской речи.

Проблематичным остается точный состав первоначальной глаголицы. С известной долей вероятности можно принять сообщение Храбра, который пишет, что Кирилл изобрел 38 букв. Это же количество букв находим и в латинской рукописи XI в. — кириллическо-глаголическом Мюнхенском алфавитари. Однако многие ученые полагают, что сначала в глаголице было 36 букв. Спорным является и первоначальный состав кириллицы, но для кириллицы этот вопрос стоит в несколько иной плоскости, так как этот алфавит складывался более или менее постепенно в результате преобразования греческого письма и глаголицы. Различия в составе букв глаголицы и кириллицы, их начертании и цифровой значимости несколько затушевывают сходство графических принципов обоих алфавитов, которое несомненно объясняется влиянием глаголицы на кириллицу.

Как правило, и в глаголице, и в кириллице одна буква передает одну фонему. В глаголице только в двух случаях можно заподозрить передачу фонемы сочетанием букв: 1) [y] = ѣ Ѣ (=ъ Н); 2) [u] = ѡ Ѣ (=О У). Однако в случае ѡ Ѣ второй элемент графемы не употребляется без первого, отделившись от ижицы, к которой, видимо, восходит, то есть ѡ Ѣ < ѡ Ѣ. Таким образом, для передачи славянского [u] в обоих алфавитах на основе греческой графики (заимствование принципа греческого письма в передаче [u]=О У) был создан диграф — буква "ОУКЪ" (глагол. ѡ Ѣ > ѡ Ѣ; кир. О У и ее лигатурный вариант — Ѡ, который часто использовался в начале и в конце строки).

Что касается ѣ Ѣ, то, возможно, в первоначальной глаголице буква Ѣ специально существовала для использования в составе диграфа, передающего [y], а значит, здесь также не нарушался фонографический принцип. В кириллице больше отступлений от этого

принципа: к двум случаям, указанным для глаголицы, но характерным и для кириллицы, следует присовокупить наличие в кириллице букв **Ѣ** (= [ks]) и **Ѥ** (= [ps]), взятых из греческого алфавита и предназначенных для передачи соответствующих звуковых сочетаний (невозможных в классическом старославянском из-за действия закона открытого слога) в греческих заимствованиях: **АЛЕѢАНДРЪ, ѤАЛЪМЪ**.

Как мы уже отметили, в глаголических рукописях имеются три буквы, которые могут иметь одно звуковое значение [i]: две, соответствующие кириллическому **І** (в русской традиции – "І десятеричное") – **Ѧ** (основной вариант, с числовым значением "10") и **ѧ** (i "на ножке", без числового значения), а также **Ѣ** (с числовым значением "20"), соответствующее кириллическому **Н** (с числовым значением "8"; в русской традиции – "Н восьмеричное"). Несомненно, что в первоначальной глаголице эти буквы имели разную значимость, однако, установить исходное состояние на основании употребления этих букв в дошедших рукописях практически невозможно, так как оно уже было затемнено произошедшими фонетическими изменениями. В древнейшей глаголической рукописи – Киевских листках – имеется следующее распределение этих букв: глаг. **Ѣ** употребляется в диграфе **ѢѢ** для обозначения [y], в союзе "и" используется только – **Ѧ**, а его дублет **ѧ** ("на ножке") встречается как после гласных, так и после согласных. В другой древней рукописи – Зографском евангелии – глаг. **Ѣ** употребляется после согласных и в начале слова после союза "и", **Ѧ** – в начале слова и в союзе "и", а **ѧ** – после гласных в составе одного слова и в качестве элемента диграфа **Ѣѧ**. Таким образом, видно, что показания памятников довольно сложно привести к общему знаменателю.

Буквы, которые в русской славистической традиции называются "юсами" (первоначально это название, вероятно, имела буква **Ю**), в старославянском языке передавали носовые гласные [ɤ] (**Ѣ** "юс большой") и [ɛ] (**Ѧ** "юс малый"). Не совсем ясно, сколько юсов было в древнейшем глаголическом алфавите – два (**Ѣ** и **Ѧ**) или три (**Ѣ**, **Ѧ** и **ѧ**)? Дело в том, что в азбучных молитвах

им отводится два стиха, но древнейшие рукописи используют три юса. Из сравнения начертания юсов в глаголице видно, что они имеют общую часть (€), соответствующую четвертому юсу – € , который в некоторых более поздних рукописях выступает в качестве самостоятельной буквы и обозначает [e] после непалатальных согласных. Сходство в начертании юсов показательно: оно говорит о том, что Кирилл стремился придумать сходные начертания для обозначения фонем со сходными дифференциальными признаками.

Еще одной особенностью глаголицы в обозначении гласных было отсутствие буквы, соответствующей кириллической **Ѣ**. Глаголические памятники используют один знак **Д** вместо двух кириллических букв **Ѣ** и **Ѧ**, которые употреблялись в соответствии с этимологией: глаг. **Ѣ Д Ѣ** = кир. **В Ѣ К Ѣ**, глаг. **Д Ѣ** = кир. **Ѧ КО**. Сначала это объясняли несовершенством глаголицы, но последующее изучение южнославянских говоров показало, что неразличение [a] – [ě] в позиции после мягких согласных и [j] характерно для многих македонских говоров, в том числе близких к Солуни. Таким образом, использование в глаголице одной буквы в соответствии с кириллическими **Ѣ** и **Ѧ** объясняется нейтрализацией [a] : [ě] > [ě] после мягких согласных. При транслитерации глаголических памятников кириллицей в соответствии с традицией для передачи глаг. **Д** используется буква **Ѣ**: глаг. **Ѣ Д Ѣ** транслитерируется как **В Ѣ К Ѣ**, глаг. **Д Ѣ** – как **Ѧ КО**.

При создании глаголицы был использован следующий принцип: одинаковые буквы обозначают разные фонологические единицы, если эти фонологические единицы не встречаются в одинаковых позициях, то есть находятся в состоянии дополнительной дистрибуции. В частности, буквы **Ѣ / Ѧ**, **Ѥ**, **Д**, **Ѧ** обозначали соответственно [i], [e], [ě], [e] после согласных и [ji], [je], [jě], [je] после гласных и в начале слова. Это оказалось возможным потому, что в солунском диалекте того времени сочетание "j + гласный переднего ряда" не могло находиться в позиции после согласного, а соответствующий "чистый" гласный переднего ряда в начале слова, например, развивал протетический [j]. В

то же время сочетания "j + гласный заднего ряда" противопоставлялись соответствующим "чистым" гласным в одинаковых позициях, что и отразилось в обоих алфавитах: противопоставление букв Ѣ/ОУ – Ъ/Ю, Ж/Ж – Ъ/Ъ в начале слова передавало оппозицию [u] – [ju], [ɔ] – [jɔ] (ср. ОУТРО – ЮНЪ, ЖГЛЬ – ЪДОУ "где"), а в позиции после согласных передавало противопоставление твердых и мягких (палатальных) согласных (см. ниже). Сказанное о гласных заднего ряда касается и кириллической пары А – Ю.

С использованием описанного выше графического принципа связано, вероятно, отсутствие в глаголице и кириллице особой буквы для обозначения [j]. Однако возможны и иные интерпретации. В частности, можно предполагать, что глаголические буквы Ъ и Ъ передавали в начале слова не бифонемные сочетания /ju/ и /jɔ/, а самостоятельные фонемы /ü/ и /ö/.

Так называемые "йотированные" буквы глаголицы и кириллицы использовались, как сказано выше, для обозначения мягкости предшествующего согласного. В старославянском языке существовали "мягкие" (точнее – палатальные) согласные фонемы [l'], [n'], [r'], возникшие из исконных праславянских сочетаний *lj *nj *rj. В глаголице противопоставление [l'] – [l], [n'] – [n], [r'] – [r] перед гласными заднего ряда [u], [ɔ] (а в кириллице и перед [a]) передавалось противопоставлением йотированных и нейотированных букв. Однако перед гласными переднего ряда соответствующее противопоставление не нашло отражения на письме (в частности, в глаголице не было буквы, соответствующей кириллическому Ю, и еще одного юса для передачи носового гласного переднего ряда). Лишь позднее и непоследовательно для этого стал использоваться особый значок между согласным и следующим за ним гласным: ѢѢѢѢ = КОНЪ (им. ед.), ѢѢѢѢ = КОНЪ (им. мн.), ѢѢѢѢ = КОНЪ (вин. мн.). Отмеченную особенность глаголицы – невыраженность противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными переднего ряда – не следует считать недочетом составителей первого алфавита. Эта особенность глаголического письма отражает

фонетическую систему солунского говора, в котором ко времени возникновения глаголицы, видимо, произошла нейтрализация палатальных и твердых согласных в положении перед гласными переднего ряда. Данное предположение подтверждается исследованиями современных западноболгарских и македонских говоров, для которых характерно неразличение [l'] – [l] и [n'] – [n] перед передними гласными. Интересно, что то же самое явление отмечается в ряде моравских говоров чешского языка, то есть именно в тех местностях, для которых в древнейший период развития старославянского языка было характерно распространение глаголицы. Что же касается большинства болгарских говоров, то там оппозиция [n] – [n'], [l] – [l'], [r] – [r'] сохранялась, поэтому в кириллицу были введены буквы **Ћ** и **Ќ**, специально предназначенные для передачи противопоставления твердых и мягких согласных перед [e] и [e] (перед [i] и [y] могли использоваться специальные надстрочные значки – см. выше). Следует подчеркнуть, что введение в кириллицу букв **Ћ**, **Ќ**, а также **Ў**, не имевших соответствий в первоначальной глаголице, было серьезным достижением древних болгарских книжников, так как учитывало звуковой строй восточно-болгарских говоров.

В глаголице имелась буква **Ѣ** (в кириллице ей соответствовала **У**), которая, вероятно, сначала называлась "НКЪ" (или "УКЪ"), а в русской традиции за ней закрепилось более позднее название – "ижица". Очевидно, она предназначалась для передачи греческого **υ** в заимствованиях. В архаическом греческом произношении **υ** читалось как [ü], и этому произношению, видимо, следовали составители первой славянской азбуки; в разговорном же греческом того времени ему соответствовал [i]. Обычно в славянской речи (это отражают и старославянские памятники) этот звук [ü]=**υ** заменялся на [i]=**Н** (что совпадало с бытовым греческим произношением), [ʹu]=**Ю** или [u]=**ОУ**, а также, – в интервокальной позиции – [w]=**В**: ср. греч. **ὑποκρίτης** > ст.-сл. **УПОКРНТЪ** / **НПОКРНТЪ** / **ОУПОКРНТЪ**, греч. **ὑποστάσις** > ст.-сл. **УПОСТАСЬ** / **ОУПОСТАСЬ**, греч. **ὑρον** > ст.-сл.

МУРО / МНРО, греч. ἰαννουάριος > ст.-сл. **ЕНОУАРЬ / ЕНЬВАРЬ** (ср. в связи с этим и обратные гиперкорректные замены: **ОУТРО / ЮТРО**, но в Маринском евангелии – **УТРО**).

Глаголическая буква **Ѣ "ФНТА"**, скорее всего отсутствовавшая в первоначальной глаголице, была предназначена для передачи греческого междузубного спиранта [θ], который, вероятно, существовал в произношении двуязычных славянских книжников. Эта буква писалась в соответствии с греческой θ в словах, заимствованных старославянским из греческого. Однако славяне, в языке которых подобный звук отсутствовал, обычно заменяли его своим звуком [t] (изредка – другими звуками – [x] или даже [z], передавая иные признаки субституируемой фонемы): греч. Μάρθα > ст.-сл. **МАРЪТА / МАРЪѢА**, но в Супрасльской рукописи **МАРХА**. Иногда славянские книжники субституировали греческий спирант [θ] звуком [f] (также не свойственным в то время славянской фонетической системе, но возможно, более приемлемым), для передачи которого служила глаголическая буква **"ФРЪТЪ"**: греч. Γολγοθᾶ > ст.-сл. **ГОЛЪГОТА / ГОЛЪГОВА**, но в Саввиной книге **ГОЛЪГАѢА / ГОЛЪГАѢА**. Звук [f], который, в свою очередь, тоже был заимствован из греческого языка (ср. греч. φάρισσαῖος > ст.-сл. **ФАРНСЕН (-Ъ Н)**, греч. ὑναφεύς > ст.-сл. **ГНАФЕН** "белильщик"), в бытовой славянской речи заменялся посредством [p], что отражают более древние заимствования: ср. греч. φᾶρος > рус. пѣрус, греч. φοῖνιξ > ст.-сл. **ФНННКЪ** "пальма", но в Синайской псалтыри **ПІНІКЪСЪ**. Существует также мнение, что **Ѣ** имела в старославянском чисто графическое значение, то есть читалась как [p], употребляясь только в словах, заимствованных из греческого.

Глаголическая буква **Ѣ "ЗЪЛО"** передавала особую фонему, которая фонетически представляла собой мягкую аффрикату [d'z'], в отличие от фрикативной фонемы [z], которая обозначалась буквой **Ѣ "ЗЕМЛѢ"**. В кириллице для передачи этой аффрикаты использовалась буква **Ѣ "ЗЪЛО"** (видоизменение кириллической буквы **Ѣ "ЗЕМЛѢ"**), которая в более

поздних памятниках была заменена буквой **Ѕ**, первоначально не имевшей в кириллице звукового значения и заимствованной из греческой цифры (греч. $\nu\alpha\upsilon - \varsigma$) для передачи цифры "6". Традиционно при транслитерации глаголических текстов кириллицей глаголическая буква "**ЅѢЛО**" заменяется знаком **Ѕ**. Наличие в глаголице особого знака для аффрикаты [d'z'] говорит о том, что в солунском говоре того времени эта аффриката еще не изменилась в фрикативное [z] (ее до сих пор сохраняют некоторые македонские говоры в районе Солуни). Дошедшие до нас старославянские памятники (как глаголические, так и кириллические) в целом отражают смешение букв "**ЗЕМЛѦ**" и "**ЅѢЛО**", которые стали графическими дублетами.

Особый интерес представляют глаголические буквы **Ѣ** "**ШТА**" и **Ѧ** "**ћѢ**". Возможно, в первоначальной глаголице не было буквы **Ѣ**, учитывая, что в древнейших памятниках она либо не встречается (вместо нее употребляется сочетание **ШѢ**), либо встречается эпизодически (в поздних же – наоборот – используется исключительно **Ѣ**). По своему начертанию глаголическая **Ѣ** представляла собой комбинацию букв **Ш** и **Ѧ**. По-видимому, эта буква была создана для обозначения мягкой аффрикаты [š'č'], возникшей в южнославянских говорах праславянского языка из древних сочетаний *tj и *stj. В других диалектах представлены иные рефлексy этих сочетаний, и в частности, [št'], которое, возможно, и обозначалось в глаголических памятниках сочетанием **ШѢ**, а в кириллических – буквой **Ѣ** и сочетанием **ШТ**. Не вполне ясно, была ли подобная аффриката в речи Кирилла и Мефодия, так как македонские говоры обычно дают рефлекс [k], хотя в районе Салоник сохраняются говоры, имеющие в этом случае [št].

Что касается буквы **Ѧ** то обычно полагают, что она была введена в глаголицу для передачи греч. Υ в заимствованиях: ср. греч. $\Pi\Upsilon\epsilon\mu\omega\nu >$ ст.-сл. **НѢМОНѢ**, греч. $A\iota\Upsilon\upsilon\lambda\tau\omicron\varsigma >$ ст.-сл. **ѢѦУПѢТЬ**. В исконных славянских словах этот звук не встречался (вследствие произошедших в праславянском палатализационных процессов – см. ниже). В большинстве позиций греч. Υ было фрикативным и воспринималось

как нечто отличное по способу образования от славянского взрывного [g]. Характерно при этом, что для передачи греческого [k'] Кирилл не создал специальной буквы. Следует иметь в виду, что при транслитерации глаголического текста кириллицей буква **М** передается посредством буквы **ћ**, которая использовалась в том же значении в древних кириллических памятниках сербского извода.

Существует и совершенно иная трактовка глаголических **Щ** и **М**. Предполагается, что буква **Щ** была введена Кириллом в глаголицу для передачи солунского рефлекса *tj, а буква **М** — для передачи рефлекса *dj. Эти рефлексы, вероятно, представляли собой палатальные смычные (как в македонском) или палатальные аффрикаты (как в сербохорватском). В Моравии не было необходимости в этих буквах, так как там рефлексы данных сочетаний, совпавшие с уже существовавшими фонемами, соответственно обозначались другими буквами: *tj > c' (Ѡ=Ц), *stj > š'č' (Ш Ѡ=Ш Ѡ), *dj > dz' (Ѣ=З). Позднее в Болгарии буквой "ШТД" (Ѡ=Ѡ) стали обозначать свои рефлексы *tj (šč' или št').

Итак, анализ глаголицы показывает, что в солунском диалекте, который лег в основу первого славянского алфавита и старославянского языка, практически не было ни одного фонологического противопоставления, которое бы не передавалось на письме. Пожалуй, единственным исключением является противопоставление [r] [ʀ] ↔ [rʲ] [ʀʲ] (см. с. 61).

3. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СТРОЕНИЯ СЛОГА

Главной закономерностью звукового строя старославянского языка был так называемый "закон открытого слога", в соответствии с которым в старославянском языке были возможны только слоги, заканчивавшиеся гласными: **К Ъ-НН-Ж Ъ-НН-К Ъ**, **ПРН-ГВО-ЗАН-ТН** и т.п.

Членение славянского слова на слоги не совпадало с членением его на морфемы: ср. **Ж Ъ-Р Ъ-У Ъ-С К Ъ** (где

слоговые границы обозначены "-", а морфемные - "/"). Из этого несовпадения слоговых и морфемных границ вытекает одно очень важное для фонологической системы следствие, а именно, принципиальная возможность вычленения из слога самостоятельных фонем - гласных и согласных. Однако в отличие, например, от современного русского языка в старославянском межсловные границы всегда совпадали со слоговыми, из чего следует вывод о большей "спаянности" гласных и согласных внутри слога в старославянском. Если в современном русском языке слог - это чисто произносительная единица, то в старославянском слог являлся единицей функциональной.

К концу праславянского периода - и именно этот этап фиксирует классический старославянский язык - тенденция к распространению открытых слогов становится законом, не знающим исключений. Превращение диахронической тенденции в синхронический закон вступило в противоречие с морфологической системой языка, что привело в конце концов к разрушению принципа строения слова на основе закона открытого слога в славянских языках.

Закон открытого слога часто называют также законом возрастающей (или восходящей) звучности. По степени звучности (или сонорности) все звуки могут быть разделены на несколько классов. Наиболее звучные - гласные, за ними - глайды [w], [j], восходящие соответственно к неслоговым **u*, **i*, и плавные [r], [l], которые в старославянском могут выполнять слогообразующую функцию. Отметим, что в сочетании согласных [w] мог находиться прямо перед плавным: ср. ст.-сл. **ВРАТА, ВЛАСТЬ**. Далее - шумные согласные, причем смычные более звучные, чем щелевые, а звонкие естественно более звучные, чем глухие. В соответствии с этой классификацией закон восходящей звучности заключался в том, что в пределах слога звуки могли располагаться в следующем порядке: щелевой + смычный + носовой сонант + [w] или плавный + гласный. Разумеется, не все возможности реально осуществлены в старославянском.

При освоении заимствований невозможные в

старославянском по закону открытого слога сочетания согласных разрезались вставными неэтимологическими [ъ] и [ь]: греч. ψαλμος > ст.-сл. ПЪСАЛЪМЪ, греч. μνα, μνας > ст.-сл. МЪНАСЪ "мина", греч. Αιγυπτος > ст.-сл. ЕГУПТЬ.

Первоначально в праславянском языке закон открытого слога проявлялся как тенденция, определяя направление большинства фонетических изменений. Это нужно понимать в том смысле, что многие фонетические изменения праславянского языка, которые проходили в разное время и были обусловлены разными причинами, приводили к увеличению числа открытых слогов за счет закрытых.

Наиболее наглядным таким изменением была утрата конечных согласных. В конце слова в праславянском было возможно 5 согласных — *n(<и.-е.*n,*m), *r, *d, *t, *s — и все они утрачиваются (в разное время, по разным причинам и, видимо, в том порядке, в каком они перечислены выше): СЪИНЪ (вин. ед.) < *sūnŭn < и.-е. *sūnŭm (др.-инд. sūnŭm, лит. sūnų; если перед *n был долгий гласный, то позднее возникал носовой гласный: НЪСЪ (сигм. аор. 1 л. ед. от НЕСТИ) < *nēssōn), МАТИ (им. ед., ср. вин. ед. МАТЕРЬ) < и.-е. *mātēr (лат. māter, греч. μητήρ), ТО < и.-е. *tōd (греч. τό, др.-инд. tad), ПАДЕ (аор. 3 л. ед.) < *pādēt (ср. др.-инд. ábharat "он нес"), СЪИНЪ (им. ед.) < и.-е. *sūnūs (лит. sūnūs).

Внутри слова в праславянском произошло (вероятно, в разное время) упрощение следующих групп согласных:

1. *tt, *dt > *st: МЕСТИ < *mēttēi (ср. МЕТЖ; на древность этого изменения указывают литовские формы: mēsti-metù);

2. *ps, *bs, *ts, *ds, *ss, *zs > *s: СЪСАТИ < *sŭpsātēi (др.-инд. sūpaḥ "похлебка", гот. supōn "приправлять"), МАСЛО < *māzslā (ср. МАЗАТИ);

3. *pt, *bt > *t: ГРЕТИ (инф.) < *grēbtēi (ср. ГРЕБЖ 1 л. наст. вр., лит. grėbti — grėbiu);

4. *pn, *bn, *tn, *dn > *n: СЪНЪ < *sŭpnās (ср. СЪПАТИ, лит. sãpnas, греч. οπνος);

5. *tm, *dm > *m: ПЛЕМА < *plēdmēn (ср. ПЛОДЪ);

6. *bw > *b: ОБНТАТН < *ǣbwěitātēi (ср. ВНТАТН "жить");

7. *tl, *dl > *l (у южных и восточных славян): ПЛЄЛЪ < *plētlās (ср. чеш. pletl).

Отметим, что некоторые праславянские изменения, связанные с упрощением групп согласных, уже не действовали в старославянском языке. Например, посл. *wr > посл. *r: ср. ст.-сл. РОТНТН СА "клясться" < *wrot- (др.-инд. vrtám, лат. verbum), но посл. *wǣrta > ст.-сл. ВРАТА [wrata].

В праславянских диалектах происходили и другие фонетические процессы, которые соответствовали тенденции к открытости слогов и являлись в известном смысле упрощениями групп согласных, например, метатезы плавных, изменения сочетаний согласных с *j и некоторые другие.

С действием закона открытого слога была связана тенденция к слоговому сингармонизму, который обеспечивал единство слога. Смысл этой тенденции заключался в том, что в слоге предпочитались (а в ряде случаев только и были возможны) одинаковые по тембру звуки, то есть в старославянском языке преобладали два типа слогов: "твердый согласный + гласный непереднего ряда" и "мягкий согласный + гласный переднего ряда". Такое положение сложилось в результате ряда праславянских фонетических изменений, в частности, так называемых палатализаций и перегласовок гласных после палатальных согласных (см. об этом также с. 55 – 56). Оставаясь на уровне диахронической тенденции вплоть до окончания действия закона открытого слога, слоговой сингармонизм так и не стал в славянских языках синхроническим законом.

4. ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Перечислим гласные фонемы старославянского языка древнейшего периода и дадим необходимую артикуляционную характеристику их основных аллофонов. Для каждого гласного указываем его главное кириллическое соответствие, причем после каждой буквы в скобках приводятся определения, данные соответствующим звукам и буквам в одном позднесредневековом славянском грамматическом сочинении – **"НАПИСАННЕ ЯЗЫКОМЪ СЛОВЕНСКИМЪ О ГРАМОТѢ"** – и приведенные здесь в нормализованной старославянской орфографии.

[a] – **А ("ГЛАСЪ ЗАМѢНИТЪ И ПРОСТЪ")** – нелабиализованный открытый гласный заднего ряда; ст.-сл. а < и.-е. *ā, *ō: **МАТИ** < и.-е. *mātēr (др.-инд. mātā, лат. māter), **ЗНАТИ** < и.-е. *g'nōtēi (др.-инд. jñāta-, греч. γι-γνώσκω).

[o] – **О ("ГЛАСЪ ОСТРЪ")** – нелабиализованный гласный средне-нижнего подъема заднего ряда; ст.-сл. о < и.-е. *ā, *ō: **ДОМЪ** < и.-е. *dom- (лат. domus, греч. δομος), **ОСЬ** < и.-е. *ak's- (лат. axis, греч. ἄξων, лит. ašis). Нелабиализованность старославянского [o], восходящего к позднепраславянскому *ā, в котором совпали и.-е. *ō и *ā, подтверждается данными заимствований: ср. слав. **СЛОВѢНЕ** > греч. Σκλαβηνοί, лат. Sclavi; греч. ΠΑΡΑΣ > слав. **ПОПЪ** > финск. pappi; греч. Σατανᾶς > слав. **СОТОНА**; греч. ΚΑΡΑΒΙΟΝ > слав. **КОРАБЛЬ** (в древних заимствованиях греческое ударное ᾱ [á] передается славянским **А** [a], а безударное α [a] – славянским **О** [o], причем ударность/безударность в греческом, очевидно, соответствует долготе/краткости в праславянском).

[e] – **Е ("ГЛАСЪ СКАЖАНЫ")** – нелабиализованный достаточно широкий открытый (средне-нижнего подъема) гласный переднего ряда; ст.-сл. е < и.-е. *ē: **БЕРЯ** < и.-е. *bherō (лат. ferō, греч. φέρω, лит. beriù).

[ĕ] – **Ѣ ("ГЛАСЪ ГЫБѢКЪ")** – нелабиализованный открытый гласный переднего ряда, возможно, дифтонгического характера; ст.-сл. ѣ < псл. *ĕ-1 (так

называемый "ять первый", монофтонгического происхождения) < и.-е. *ē, псл. *ě-2 ("ять второй", дифтонгического происхождения) < и.-е. *ōi, *āi, *ōi, *āi: **СѢМА** < и.-е. *sēm̃nt (лат. sēmen, др.-в.-н. sāmō), **ЦѢНА** < и.-е. *kōinā (лит. kaina, греч. ποινη). Поздний праславянский *ě, в котором совпали *ě-1 и *ě-2, произносился не одинаково в разных диалектах праславянского языка: в одних говорах (и в частности в старославянском языке) он был открытым гласным (= [æ], [ä], [ʰa] или дифтонг [ea]), в других (например, в восточнославянских) – закрытым (= [ê] или [ie]). Ср. данные заимствований: слав. **ВѢКЪ** > румынск. veak (вероятно, заимствование из южнославянских говоров), слав. **МѢРА** > финск. määra, слав. **ВѢСТЬ** > финск. viesti (вероятно, оба финских слова заимствованы из северных восточнославянских говоров: первое – более раннее, второе – более позднее).

[y] – **ЪІ ("ГЛАСЪ ШИРОКЪ")** – нелабиализованный гласный верхнего подъема колеблющейся артикуляции, возможно, дифтонгического характера; ст.-сл. у < и.-е. *ū; **ДЪІМЪ** < и.-е. *dhūmos (лат. fūmus, греч. θυμός, лит. dūmai), **СЪІНЪ** < и.-е. *sūnus (лат. sūnus), **СЪІНЪІ** (вин. мн.) < и.-е. *sūnāns (ст.-сл. [y] может восходить также к и.-е. *uns, *ans, *ops в конце слова). Существует мнение, что ст.-сл. [y] был дифтонгом или во всяком случае дифтонгоидом (как в современном русском языке), что вполне вероятно; иногда это мнение подкрепляют показаниями славянских заимствований в литовском языке: слав. **МЪІЛО** > лит. muilo, слав. **ТЪІНЪ** > лит. tuīnas.

[i] – **И ("ГЛАСЪ ЖЗЪКЪ")** – нелабиализованный гласный верхнего подъема переднего ряда; ст.-сл. і < и.-е. *ī, *ēi, *ōi, *āi (то есть как и ст.-сл. ѣ мог быть монофтонгического и дифтонгического происхождения): **ЖИВЪ** < *gīuos (лат. vīvus, др.-инд. jīvās, лит. gývas), **ВИДЪ** < *ueidos (лит. véidas, греч. φαῖδας), **БЕРИ** < и.-е. *bherois (греч. φεροις).

[u] – **ОУ ("ГЛАСЪ ДОВОЛЬНЪ")** – лабиализованный гласный верхнего подъема заднего ряда; ст.-сл. у < и.-е. *ōu, *āu: **ОУХО** < и.-е. *aus- (лат. auris, лит. ausis, греч. диал. αὐχσιν). В связи с открытостью и

нелабиализованностью славянского [o] в заимствованиях оно часто заменяется гласным [u]: гот. *bōka* > ст.-сл. **БОУКЪ**, греч. *εἰκών* > ст.-сл. **НКОУНА**, греч. *ὄζος* > ст.-сл. **ОУКСОУСЪ** (греческое [o] было закрытым). Ст.-сл. [ü] – ю ("ГЛАСЪ ТЪСНЪ"), фонематическая сущность которого не вполне ясна (иногда его признают самостоятельной фонемой, но обычно рассматривают как аллофон фонемы [u] после палатальных согласных), восходит к и.-е. *ēu: **БЛЮАЖ** < и.-е. *bheudh- (греч. *πλευθομαι*).

[ɨ] – ъ ("ГЛАСЪ ТЛЪСТЪ Н КРАТЪКЪ") – нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема заднего ряда; ст.-сл. ъ < и.-е. *ǔ: **ДЪШТИ** < и.-е. *dhǔgətēr (греч. *θυγατήρ*, лит. *duktė*), **МЕДЪ** < и.-е. *medhū (др.-в.-н. *metu*, др.-инд. *madhu*, греч. *μεθυ*).

[ɘ] – ь ("ГЛАСЪ ТЪНЪКЪ Н КРАТЪКЪ") – нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема переднего ряда; ст.-сл. ь < и.-е. *ĩ: **ВЬДОВА** < и.-е. *uidheuā (лат. *vidua*, др.-инд. *vidhāvā*), **МЪЗАА** < и.-е. *misdh- (гот. *mizdō*, греч. *μισθος*). Большая закрытость ст.-сл. [ɘ] по сравнению с [e] проявляется в романских заимствованиях: *vĕnĕtici* > слав. **ВЪНЕТЬЦИ**, *acĕtu* > слав. **ОЦЪТЪ** (где [e] – открытый широкий гласный, а [ɘ] – закрытый узкий гласный).

[ɔ̃] – ѣ ("ГЛАСЪ ГЯГНВЪ Н ПРОИЗВОЛЫНЪ") – носовой лабиализованный (или нелабиализованный) гласный среднего (или средне-верхнего) подъема заднего ряда; ст.-сл. ѣ < и.-е. *on, *om, *an, *am, *n̥, *m̥ + согласный (но не *s): **ПЯТЬ** < и.-е. *ponth- (лат. *pontis* – Gen.Sg., др.-инд. *pánthās*), **ЗЯБЪ** < и.-е. *g'ombhos (греч. *γομφος*, лит. *žam̃bas*, др.-инд. *jám̃bas*), **ДЯТИ (ДЪМЯ)** < и.-е. *dm̥- (лит. *dūmti*). Такие фонетические характеристики [ɔ̃] как подъем и лабиализованность полностью перекрывались признаком ринезма и поэтому варьировались по диалектам. Что касается так называемого "третьего носового" [ɔ̃̃] – ꙗ, то обычно его рассматривают не как самостоятельную фонему, а как аллофон фонемы [ɔ̃] после палатальных согласных.

[ẽ] – я ("ГЛАСЪ ВЪНАТЕЛЫНЪ") – носовой гласный среднего подъема переднего ряда; ст.-сл. я <

*en, *em, *m, *n + согласный (не *s): ПАТЬ "пятый" < и.-е. *penk'tos (греч. πενκτος, лит. peñktas), ДЕСАТЬ "десятый" < и.-е. *dek'mtos (лит. dešimtas, греч. δεκατος, гот. taihunda).

Итак, фонетическая система классического старославянского языка насчитывала 11 или 13 (если считать [ǫ] и [ü]) самостоятельных фонем. Количество гласных фонем старославянского языка совпадало с их количеством в позднем праславянском накануне создания славянской письменности.

Метафорические определения средневековых славянских книжников позволяют определенно выявить противопоставление гласных переднего и непереднего ряда:

Ю	ТЪСНЪ	ОУ	ДОВОЛЬНЪ
Н	ЖЪКЪ	Ы	ШРОКЪ
Ь	ТЪНЪКЪ	Ъ	ТЛЪСТЪ
А	[ВЪНАТЕЛЪНЪ]	Ж	ПРОИЗВОЛЬНЪ
Є	СКЖАВЪНЪ	О	[ОСТРЪ]

Оппозиция Ъ - А, то есть "ГЪІБЪКЪ" - "ПРОСТЪ", как будто указывает на дифтонгический характер [ě] в противопоставлении однородному [a].

Представим вокалическую систему классического старославянского (и позднепраславянского к середине IX в.) языка в виде таблицы:

Подъем \ Ряд	Передний		Непередний	
Верхний	(ü)	i	y	u
Средний	(ǫ)	ь	ь	
		ę е	о	ǫ
Нижний		ě	а	
	лабиализ.	нелабиализ.	лабиализ.	

5. КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ СТАРΟΣЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ

Позднеиндоевропейская вокалическая система характеризовалась наличием трех подсистем:

1. долгие	2. краткие	3. дифтонги
*ī *ē *ā	*ū *ō *ă	*ī *ū *ē *ō *ěi, *ěu *ōi, *ōu *āi, *āu

Кроме того имелись дифтонгические сочетания двух типов:

1. с носовыми согласными – *īn/m, *ūn/m, *ěn/m, *ōn/m, *ān/m;
2. с плавными – *īr/l, *ūr/l, *ěr/l, *ōr/l, *ār/l.

Долгие дифтонги и дифтонгические сочетания еще в индоевропейскую эпоху подверглись сокращению.

Решающим фактором, выделившим праславянскую фонетическую систему как самостоятельную на индоевропейском фоне, была делабиализация гласных, которая имела место еще до монофтонгизации дифтонгов и возникновения носовых гласных: *ū > *ȕ, *ū > *ǔ, *ō > *ā, *ō > *ă. В результате делабиализации возникла система фонем, в которой гласные противопоставлялись по признакам ряда и количества с сохранением подсистемы дифтонгов: *ěi, *āi, *ěu, *āu. Ведущим и продуктивным признаком системы стал признак ряда: все гласные последовательно разделились на передние (ī, ē, ȕ, ā) и непередние (ū, ū, ă, ă). Такое построение вокализма явилось причиной ряда изменений не только в системе гласных, но и в системе согласных, в частности, вызвало тенденцию к палатализации согласных. Делабиализация гласных и палатализация согласных – два важных парадигматических изменения, связанных с резким разделением передних и непередних (задних) гласных.

Преобразование позднеиндоевропейской системы вокализма в позднюю праславянскую и старославянскую

было осуществлено в результате ряда изменений, которые можно сгруппировать следующим образом.

1. Делабиялизация гласных, возникновение редуцированных и в конечном итоге переход от "количественных" различий между гласными к "качественным", то есть замена противопоставлений по долготе/краткости противопоставлением по подъему:

$*\bar{a}, *o > *a > a$	$*\bar{a}, *o > *a > o$
$*\bar{u} > *y > y$	$*\bar{u} > *y > y$
$*\bar{e} > *e > \bar{e}$	$*\bar{e} > *e > e$
$*\bar{i} > *i > i$	$*\bar{i} > *i > i$

2. Монофтонгизация дифтонгов, которая имела место в позиции перед согласным и в конце слова:

а) $*\bar{e}i > i$: ст.-сл. **КРНВЪ** (лит. kreĩvas);
ст.-сл. суффикс инф. -ТН < и.-е. $*-tei/-tēi$;

б) $*\bar{o}i, *āi > *āi > \bar{e}$: в середине слова: ст.-сл. **СНЪГЪ**
(лит. snaĩgala); в конце слова:
РЖЦЪ (дат. ед.) (лит. raĩkai);

$*\bar{o}i, *āi > *āi > i$: ст.-сл. **БЕРН** (греч. φέρους);
(только в конце слова; условия перехода $*oi > i$ не ясны).

в) $*\bar{e}u > *jāu > \bar{u}$: ст.-сл. **ЛЮДНЄ** (лит. liaudis, нем. Leute); **ЛЮБЪ** (лит. liaupsē "хвала");

г) $*\bar{o}u, *āu > *āu > u$: ст.-сл. **СЪІНОУ** (род.ед.) (лит. sūnaũs, гот. sunaus); **СОУХЪ**
(лит. sausas, греч. αὔρος)

После монофтонгизации дифтонгов $*āu, *ēu$ в системе фонем снова появились лабиализованные гласные.

3. Возникновение носовых гласных. Это своего рода монофтонгизация дифтонгических сочетаний "гласный + носовой согласный" в позиции перед согласным и в конце слова:

*ŭn, *ŭm, *ŏn, *ŏm, *ān, *ām > ǫ;
 *īn, *īm, *ēn, *ēm > ę (примеры см. на с. 49-51)

4. Ликвидация дифтонгических сочетаний "гласный + плавный согласный" в позиции перед согласным. Изменения этого типа происходили сравнительно поздно и не одновременно, поэтому в разных славянских языках их результаты варьируют.

Во-первых, в старославянском (как в южнославянских, а также чешском и словацком языках) на месте сочетаний редуцированных с плавными между согласными возникли слоговые плавные:

*tīrt/*tūrt > *tyrt/*tyrt > *tr̥t (ст.-сл. "ТРЪТ"/"ТРЫТ")
 *tīlt/*tūlt > *tylt/*tylt > *tl̥t (ст.-сл. "ТЛЪТ"/"ТЛЫТ")

Старославянские памятники обозначают слоговые плавные сочетанием букв "плавный + редуцированный" (как правило, для сочетаний всех типов используется Ъ): ТРЪГЪ [tr̥gъ], ВРЪХЪ [wr̥xъ], СТЛЪПЪ [st̥l̥pъ], ВЛЪКЪ [wl̥kъ]. Подобные написания были двусмысленными в системе старославянской графики, так как аналогичным же образом передавались на письме сочетания плавных с редуцированными, восходившие к праславянским *tr̥yt, *tl̥yt, *tr̥yt, *tl̥yt и не противоречившие закону открытого слога: КРЪВЪ [kr̥wъ], ПЛЪТЬ [pl̥t̥ь], ГРЪМЪТИ [gr̥m̥et̥i], СЛЪЗА [sl̥za]. После падения редуцированных гласных в этих корнях возникли так называемые "вторичные слоговые плавные" (см. с. 61).

Во-вторых, сочетания типа *(t)ärt, *(t)ält, *tërt, *tëlt переживали удлинение гласного и перестановку плавного:

*(t)ärt > *(t)ārt > *(t)rāt > *(t)rat = (Т)РАТ:
 ст.-сл. ГРАДЪ, МРАЗЪ; РАБЪ, РАЛО, РАЗ-;

*(t)ält > *(t)ālt > *(t)lāt > *(t)lat = (Т)ЛАТ:
 ст.-сл. БЛАТО, МЛАДЪ, ЛАДНИЦА, ЛАКЪТЬ.

*těrt > *tērt > *trēt > *trēt = ТРѢТ:
ст.-сл. БРѢГЪ, ПРѢДЪ;

*tělt > *tēlt > *tlēt > *tlēt = ТЛѢТ:
ст.-сл. ШЛѢМЪ, МЛѢКО.

Метатеза плавных у южных славян имела место между серединой VIII и серединой IX вв. Ко времени принятия христианства этот процесс уже завершился: ср. отсутствие метатезы в заимствованиях христианской эпохи – ст.-сл. ОЛѢТАРЬ < лат. altāre, ст.-сл. ОРѢГАНЪ < греч. ὀρχήνον, ст.-сл. СЕРЬГНИ < греч. Σέργιος (но ср. более древнее заимствование РАКА "гроб" < гот. arka, лат. arca "ящик"). В некоторых древних славянских памятниках (содержащих в частности тексты X в.) встречаются отклонения от описанных закономерностей: ср. БАЛѢТНА "болото, топь" вместо БЛАТНА, ЗАЛѢТАРННЪ "золотых дел мастер" вместо ЗЛАТАРННЪ, ПАЛѢТЬ "кусочек ткани" вместо ПЛАТЬ, САЛНОСТЬ "солёность" вместо СЛАННОСТЬ. Для начала слова ряд старославянских памятников дает формы без перестановки, но с развитием неорганического редуцированного: АЛѢКАТИ, АЛѢАНИ вместо ЛАКАТИ, ЛААНИ (как часто бывает в заимствованиях). Изредка встречаются написания, отражающие диалектные изменения с метатезой, но без удлинения: РОБЪ, РОЗВЪ, РОЗМЪІСЛНТИ и т.п. (примеры из Супрасльской рукописи, которая выделяется и другими отклонениями от стандарта).

Праславянские дифтонгические сочетания типа *(Т)АѢТ изменялись неодинаково в различных группах славянских языков. В южнославянских, чешском и словацком языках происходило удлинение гласного, сопровождавшееся метатезой, в лехитско-лужицкой группе имела место метатеза без удлинения, а восточнославянские языки в положении между согласными развивали так называемое "полногласие" (через стадию вставного гласного после плавного). Записи полабской речи позволяют предположить, что в этом окраинном западнославянском языке соответ-

ствующие сочетания с [r] сохранили закрытый слог: полаб. stórnǎ "сторона", morz "мороз" и др. (параллельно этому, видимо, не развивались и носовые гласные: ср. полаб. ronka, runka "рука").

6. ДИСТРИБУЦИЯ ГЛАСНЫХ

В предыдущих разделах система гласных старославянского языка и эволюция праславянской фонетической системы была кратко охарактеризована главным образом в парадигматическом аспекте, то есть с точки зрения состава фонем и их признаков. Теперь рассмотрим некоторые особенности синтагматического распределения старославянских гласных.

В начале слова в старославянском могли употребляться только гласные переднего ряда [a], [o], [ɔ], [u]: **АЗЪ, ОНЪ, ЖГЛЬ, ОУМЪ**. Гласные переднего ряда [y], [ь], восходящие к лабиализованным *ū, *ÿ, не могли находиться в начале слова, так как они еще в праславянском языке, утрачивая лабиализацию, выделили перед собой в этой позиции протетический лабиальный согласный: **ВЪІСОКЪ** (греч. ὕψι, др.-в.-н. ūf); ср. также **ВЪПНТИ** (др.-перс. ufyēiti) – **ВЪЗЪПНТИ** (в первом случае корень **ВЪП-** с протетическим [w] < *u, во втором – тот же корень **-ЪП-** без протезы после префиксального согласного).

Гласные переднего ряда в праславянском развивали перед собой протетический согласный [j]. Таким образом, в старославянском в начале слова встречаем [ji], [je], [jɛ], [jě]/[ja]: **НЖЕ** (им. мн. м. р. относительного местоимения), **ЮЕНЬ, ІАЗЪІКЪ, ЪХАТИ/ІХАТИ**. Следует отметить, что в старославянском языке в начальном [ji] совпали праславянские *ji и *jь: показательно совпадение **НЖЕ** (им. ед.) < *jьže и **НЖЕ** (им. мн.) < *jiže относительных местоимений; ср. также **НДЯ** < *jьd- < *īd-, **НМЖ** < *jьm- < *īm-, **НЗ** < *jьz < *īz.

Развитие протетических согласных в праславянском языке несомненно связано с законом открытого слога: протеза "прикрывает" начальный гласный от конечного гласного предшествующего слова, предотвращая так

называемое "зияние" на стыке слов. Вероятно, протезы имели место перед всеми начальными гласными, но не все из них были идентифицированы с существующими согласными, то есть фонологизованы. В этом смысле не совсем ясна фонематическая интерпретация протетического [j] на различных этапах истории славянских языков, в том числе и старославянского.

Зависимость ряда гласного от твердости или мягкости согласного в пределах слога определялась в старославянском языке тенденцией к слоговому сингармонизму. В рамках этой тенденции в праславянском языке произошла замена гласных непереднего ряда гласными переднего ряда после палатальных согласных: *jū > *jī > ji, *jŭ > *jĩ > jь, *jŏ > *jě. Соответственно в старославянском после палатальных согласных невозможны неогубленные гласные непереднего ряда [y], [ɤ], [o]: ШНТИ < *sjūtei (лит. siūti, др.-инд. syūtáḥ), НГО < *jьgo < *jīgā < *jŭgā (лат. jugum, греч. ζυγον, др.-инд. yugám), МОРЕ < *māřjā (лит. mārios). В то же время возможны сочетания палатальных согласных с лабиализованными гласными [u]/[ü] и [ɔ]/[õ]: РЮТИ "реветь" < *r'üti < *rjautei < *reutei (др.-инд. rāuti), ЗНАѢ < *znajō < *znājān.

7. РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ

Гласные [ɤ] и [ɤ̃] в современной славистике именуются по-разному, причем соответствующие термины различным образом указывают место этих фонем в системе праславянского и старославянского вокализма.

Термин "иррациональные гласные" подчеркивает особое место этих фонем в системе вокализма и имеет в виду их последующую утрату. Другой термин – "глухие гласные" – отмечающий их возможную акустическую характеристику в тех позициях, где они впоследствии утрачивались, в настоящее время совершенно устарел и практически не применяется.

Иногда эти гласные называют "сверхкраткими",

указывая на их большую краткость по сравнению с обычными краткими гласными. Такая трактовка не представляется обоснованной прежде всего с фонологической точки зрения, так как, во-первых, сомнительна сама возможность противопоставления гласных по трем степеням длительности, а во-вторых, ко времени появления первых памятников письменности оппозиция по долготе/краткости была заменена оппозицией по подъему.

Наибольшее распространение в России получил термин "редуцированные гласные", первоначально указывавший на количественную и/или качественную редукцию гласных [ъ] и [ь], но в наше время практически утративший эти оттенки в значении и превратившийся в абстрактное обозначение гласных, восходящих к *ǫ и *ī. В западной славистике больше принят лишенный какой-либо оценочности термин "еры" (jers), означающий, что речь идет о гласных, передававшихся буквами Ѣ и Ъ.

В классическом старославянском языке (как и в позднем праславянском) гласные [ъ] и [ь] выступали в двух позиционных вариантах: в так называемой слабой позиции эти фонемы были представлены звуками [ǣ] и [ǣ̃] (слабые редуцированные), а в сильной позиции — звуками [ǣ̃] и [ǣ̃̃] (сильные редуцированные).

Редуцированные были слабыми в следующих положениях:

- 1) в конце фонетического слова: ДОМѢ, ОУДОБѢ;
- 2) перед слогом, содержащим любой гласный кроме редуцированного: ДѢВА, СѢТВОРНТИ, МѢГЛА, ЛѢСТИТИ;
- 3) перед слогом, содержащим сильный редуцированный: СѢНѢМѢ, ЛѢСТѢЦѢ.

Редуцированный был сильным, когда за ним следовал слог, содержащий слабый редуцированный: СѢЗѢАДТИ, ПОДѢ МѢНОЖ, ДОМѢ ТѢ, ДѢНѢ СѢ.

Слабые редуцированные не могли находиться под ударением, так как еще в праславянском произошла оттяжка ударения со слабых редуцированных на предшествующий слог: *stolǣ > *stolǣ̃ (но *stolá̃). Если в

предшествующем слоге также был редуцированный (который, соответственно, был сильным), то он оказывался под ударением: *tъmъpъ > *tъmъpъ.

Графика и орфография старославянских памятников сама по себе не дает оснований для различения сильных и слабых редуцированных. Наличие сильных и слабых позиций [ъ] и [ь] реконструируется на основании тех изменений, которые эти гласные претерпели в славянских языках, в том числе и в старославянском, что отражается большинством дошедших до нас памятников старославянской письменности XI – XII вв. Эти изменения заключались в том, что редуцированные были утрачены как самостоятельные фонемы всеми (хотя и в разное время) славянскими языками. Древнейшая сохранившаяся рукопись – Киевский миссал, написанный западославянским писцом, – не отражает падения редуцированных, как и восточнославянское Остромирово евангелие 1056–57 гг. Это объясняется тем, что у восточных и западных славян изменения, связанные с редуцированными гласными, происходили позднее, чем у славян южных.

Процесс дефонологизации [ъ] и [ь] называют "падением редуцированных гласных", которое происходило следующим образом: в слабой позиции они исчезали, а в сильной позиции в большинстве славянских языков и диалектов заменялись другими гласными. В старославянских рукописях утрата слабых редуцированных выражалась в пропусках букв ъ и ь: КѢТО > КТО, БѢРАТИ > БРАТИ, БѢАЕТЪ > БѢАЕТ и т.п. Менее показательно их смешение (КѢТО > КЬТО, БѢРАТИ > БЪРАТИ). Однако в некоторых памятниках смешение редуцированных носит фонетически закономерный характер (перед слогом с гласным переднего ряда ъ > ь, а перед слогом с гласным непреднего ряда – ь > ъ: АѢВѢ > АЬВѢ, ВѢАОВА > ВЪАОВА), и не всегда их распределение может быть отнесено к периоду после утраты слабых редуцированных (такие примеры в принципе могут отражать межслововую ассимиляцию, имевшую место до падения редуцированных). Кроме того, некоторые памятники отражают так называемую лабиовеляризацию [ь] после

палатальных согласных, причем как в сильной, так и в слабой позиции: **ШѢДѢ**, **НОЖѢ**, **УѢТО**, **ДѢЖДѢ**, **КОНѢЦѢ**. Имеются и одноеровые памятники, то есть такие, в которых оба редуцированных гласных передаются одной буквой (например, глаголический Боянский палимпсест с Ѣ или кириллический Енинский апостол с Ѣ, причем оба отражают изменение [ѣ] > [e]).

Что касается сильной позиции, то глаголические памятники, большинство которых переписано македонскими (или западноболгарскими) писцами, отражают изменение [ѣ] > [o], а [ѣ] > [e]: **СѢНѢ** > **СОНѢ**, **ДѢНѢ** > **ДЕНѢ**. Восточноболгарская Супрасльская рукопись указывает на переход [ѣ] > [e], но оставляет без изменения [ѣ]. Это значит лишь то, что в данном болгарском говоре [ѣ] не совпал ни с каким другим гласным. Интересна орфография восточноболгарской Саввиной книги (пропуск Ѣ и Ъ в слабой позиции при отсутствии изменений в сильной, за исключением случаев, объясняемых морфологически), которая, вероятно, свидетельствует о том, что сначала утрачивались слабые редуцированные, а затем изменялись сильные.

8. НАПРЯЖЕННЫЕ РЕДУЦИРОВАННЫЕ

В старославянском языке, как и во многих других славянских языках и диалектах, редуцированные гласные [ѣ] и [ѣ] в позиции перед и после [j] и перед [i] характеризовались более высоким подъемом и становились напряженными. В свою очередь гласные верхнего подъема [y] и [i] в позиции перед [j] и [i] становились редуцированными, понижая подъем. С фонологической точки зрения важно, что [ѣ] и [y] в этой позиции совпадали в одном звуке, который обозначим как [ѣ̌], а [ѣ] и [i] в другом, который в транскрипции будем обозначать как [ѣ̌̌]. В старославянском для них не было создано специальных графем; рефлексy этой нейтрализации передавались соответственно: [ѣ̌̌] – буквами ѢІ и Ѣ, [ѣ̌̌] – буквами И и Ъ:

ДОБРЪИ / **ДОБРЪН** < *dobrĕjĕ < *dobrĕjъ;
МЪИЖ / **МЪЖ** < *mĕjĭ < *mĕjĭ;
ВЪИ **ИСТННЖ** / **ВЪ** **ИСТННЖ** < *wĕ jĕstinĭ < *wĕ
jĕstinĭ;
КОСТНЖ / **КОСТЪЖ** (тв. ед.) < *kostĕjĭ < *kostĕjĭ;
СНЪИ / **СНЪИ** < *sĕjati < *sĕjati;
ПРЪДАМИ / **ПРЪДАМЪ** **И** "предам его" <
*prĕdamĕ jĕ < *perdadmĕ jĕ.

Затруднительно решить, аллофонами каких фонем являлись эти напряженные редуцированные в старославянском языке - /ъ/ и /ь/ или /у/ и /и/. Вероятно, в разных древних славянских диалектах их фонемная интерпретация была различной. Будучи редуцированными, звуки [ĕ] и [ĕ] могли находиться либо в сильной, либо в слабой позиции, то есть вели себя так же, как и обычные, ненапряженные, редуцированные. Это еще более усложняет и без того запутанную картину, представляемую старославянскими памятниками.

В сильной позиции напряженные редуцированные в старославянском изменялись в [y], [i]. Обычные редуцированные проявлялись перед слогом, содержащим слабый напряженный редуцированный. Ср. написания памятников: **ВОСНЪИ** < **ВЪСНЪИ** [wĕsĕjati], **ПРИШЕСТВНЪ** < **ПРИШЕСТВНЪ** [prišĕstwĕje]. В ряде случаев в формах, в которых мы ожидали бы увидеть рефлекс напряженного редуцированного, находим рефлекс обычного редуцированного: **ДОБРОИ**, **ЛЖАВОН**, **ЛЮДЕН**, **ГОСТЕН**, **ПРИЕМЪ** вместо **ДОБРЪИ**, **ЛЖАВЪИ**, **ЛЮДНИ**, **ГОСТНИ**, **ПРИМЪ** и др. Для этих случаев возможно морфологическое объяснение: напряженный редуцированный был еще до падения редуцированных заменен обычным редуцированным по аналогии с родственными формами (например, **ДОБРЪИ** > **ДОБРЪИ**, как в **ДОБРЪ**). Для говоров, отраженных памятниками с этими формами, следует признать принадлежность [ĕ] и [ĕ] соответственно фонемам /у/ и /и/.

Кроме того, памятники часто отражают утрату интервокального [j] в положении между двумя напряженными редуцированными и их стяжение в один гласный: ĕjĕ > у (**ДОБРЪИ** > **ДОБРЪИ**).

9. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВТОРИЧНЫХ СЛОГОВЫХ ПЛАВНЫХ

Одним из следствий падения редуцированных было возникновение вторичных слоговых плавных.

Сначала количество форм со слоговыми плавными увеличилось в старославянском за счет корней типа ***TRЪT** в тех случаях, когда редуцированный находился в слабой позиции: после выпадения слабого редуцированного слоговую функцию принимал на себя плавный: ***slъza > slza**, ***krъwawъ > křwawъ** и т.п. В орфографии старославянских памятников этот процесс практически не отражается, хотя написания типа **СЛЗА**, **КРВАВЪ** иногда встречаются в рукописях.

Затем в результате действия морфологической аналогии вторичные слоговые плавные распространились и на формы, в которых редуцированные были сильными и прояснялись: например, **КРЪСТЪ > КРЕСТЪ > КРСТЪ / КРЪСТЪ** [krst] по аналогии формами косвенных падежей **КРЪСТА > КРСТА / КРЪСТА** (написание в этом слове **Ъ** вместо **Ь** говорит уже о том, что редуцированного нет, а сочетание **РЪ** передает слоговой плавный).

10. СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ

В отличие от гласных, количество которых в славянских языках, как правило, сокращалось, славянские консонантные системы постоянно пополнялись новыми фонемами. Наиболее важные изменения происходили в конце праславянского периода, предположительно на протяжении V – IX вв. Эти изменения, приведшие к возникновению, а затем и к увеличению числа палатальных согласных, известны в славистике как I, II и III палатализации (может быть, точнее их было бы назвать палатациями) и изменения сочетаний согласных с ***j**.

На основании анализа глаголицы и кириллицы, а также орфографии древнейших памятников, можно рекон-

струировать следующий состав согласных классического старославянского языка:

Место Способ	Губн.	Переднеяз.	Среднеяз.		Заднеяз.
		Зубн.	Альвео- палат.	Палат.	Велярн.
Взрывные	p b	t d			k g
Аффрикаты			č' š't' ž'd'	c' d'z'	
Щелевые	(f)	s z (θ)	š' ž'	s'	x
Носовые	m	n		n'	
Плавные		l		l'	
		r		r'	
Глайды	w			(j)	

Ко времени появления письменности в славянских языках и диалектах имелись некоторые расхождения, касавшиеся состава согласных фонем.

В славянской речи двуязычных Кирилла, Мефодия и их ближайших учеников и соответственно в языке первых старославянских переводов имелся звук [f], который отсутствовал в составе согласных фонем праславянского языка, а также славянских языков и диалектов того времени. Старославянскую фонему [f] следует рассматривать как фонетическое заимствование из греческого языка. То же можно сказать и о междузубном спиранте [θ]. Звук [f], вероятно, был более

приемлем для славянской фонетической системы, чем [θ], особенно в тех диалектах, где имело место изменение губно-губной артикуляции [w] на губно-зубную [v]. В конце концов после падения редуцированных и оглушения конечного [v] фонема [f] появляется и в исконно славянской лексике.

Дискуссионной является фонематическая интерпретация праславянского *j. Часто полагают, что поскольку Кирилл не создал специальной буквы для обозначения [j], этот звук не был отдельной фонемой в солунском говоре, а являлся как бы частью следующей гласной фонемы. Однако то, что верно для одного славянского диалекта, может не соответствовать положению в другом, а фонематическая неустойчивость [j] характерна для славянских языков на разных этапах их развития. Кроме того, как было показано выше (см. с. 38-40), отсутствие отдельной буквы для [j] можно объяснить и особым графическим принципом, принятым при создании глаголицы. Таким образом, более целесообразным было бы признать за [j] статус отдельной фонемы, тем более, что это удобнее при описании грамматической системы старославянского языка. Но это только один аспект проблемы. Если признать самостоятельный – синтагматически – статус [j], то следует ответить и на другой вопрос: аллофоном какой фонемы является этот звук – гласной /i/ или согласной /j/? При втором решении для *j принимается статус самостоятельной фонемы, входящей в подсистему согласных. Видимо, в период после монофтонгизации дифтонгов, а значит, и для старославянского, последнее решение более приемлемо.

В разделе о старославянских алфавитах уже говорилось о сложностях, связанных с интерпретацией звукового значения буквы "ШТА" и сочетания букв "ШТА" и "ТВРЬДО" в глаголице и кириллице. Этот вопрос следует решать применительно к отдельной рукописи и в связи с фонетической системой диалекта, лежащего в основе данного конкретного списка. Однако, отталкиваясь от общей картины употребления этих букв в дошедших до нас старославянских памятниках, для фонетической системы классического старославянского

целесообразно принять существование мягкой (альвео-палатальной) аффрикаты [š't'], независимо от того, какая картина наблюдалась в солунском диалекте Кирилла и Мефодия. Общая тенденция развития этой аффрикаты в старославянском заключалась, по-видимому, в движении от палатальной артикуляции к переднеязычной и от монофонемного статуса к бифонемному.

Даже при беглом взгляде на схему старославянского консонантизма бросается в глаза большое количество палатальных согласных. Палатальные (от лат. *palatum* "твердое небо"; это характеристика по месту образования, то есть по пассивному органу) согласные — это такие согласные, которые образуются путем приближения средней части спинки языка к твердому небу, поэтому при характеристике по активному органу они — среднеязычные. Старославянские палатальные не унаследованы из индоевропейского, а являются славянским (праславянским) новообразованием.

Палатальные согласные часто называют также мягкими, но мягкими являются и палатализованные согласные. В фонетическом (артикуляционном) отношении различие между палатальными и палатализованными заключается в том, что для палатальных подъем средней части спинки языка является основной характеристикой, а для палатализованных — дополнительной, которая может сочетаться и с губной, и с переднеязычной, и с заднеязычной артикуляцией, но не со среднеязычной.

В старославянском языке не было самостоятельных палатализованных фонем, как в современном русском. Однако многие слависты полагают, что твердые согласные палатализовались в позиции перед гласными переднего ряда, то есть становились как бы "полумягкими". Это была автоматическая палатализация, которая создавала особые аллофоны, но не приводила к возникновению самостоятельных фонем. В старославянском языке любой твердый согласный мог оказаться в позиции перед гласным переднего ряда, в том числе и заднеязычные согласные, которые, правда, были возможны в этой позиции только в заимствова-

ниях: **КНТЬ** < греч. κῆτος, **КЕДРЬ** < греч. κέδρος, **ГЕОНА** "ад" < греч. γέννα, **ХНТОНЪ** < греч. χιτων и др. В собственно славянских словах заднеязычные были заменены палатальными согласными в более древний период в процессе так называемых "славянских палатализаций".

В уже упомянутом сочинении **"НАПИСАННЕ ЯЗЫКОМЪ СЛОВЕНСКИМЪ О ГРАМОТѢ"**, отражающем уже более позднее состояние церковнославянского языка, согласные делятся на:

	звонкие [ЧНСТЫА]	глухие [ТУСКЛЫА]
ГРУБЫ	Б	П
СВНБЛНВЫ	В	Ф=θ
ТАЖКЫ,НАТУЖНЫ	Г	Х
ПРОСТЫ,ЛЕГКЫ	Д	Т
ШЕПЕТЛНВЫ	Ж	Ш
СНПАВЫ	З=ζ	С,ξ,ψ
АСНЫ	Ц	Ч,ψ

Вне противопоставления по звонкости/глухости:

НЪМЫ	Л,М,Н
КОРТАВЫ	К,Р

Данная классификация уже отражает губно-зубное произношение **В** и фрикативное произношение **Г**.

11. ПЕРЕХОД *S > *X И ПЕРВАЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ

Морфонологические чередования, которые были вызваны фонетическими изменениями, приведшими к появлению в праславянском языке палатальных согласных, играют существенную роль в старославянском склонении и спряжении, а также в словообразовании, что оправдывает достаточно подробное рассмотрение этих процессов в пособиях по старославянскому языку.

Поскольку I, II и III палатализации касаются заднеязычных согласных, то следует иметь в виду, что псл. *k и *g унаследованы из праиндоевропейского, а псл. *x является славянским новообразованием и восходит к и.-е. *s: в праславянском имело место изменение: *s > *x в положении после *ī, *ū, *r, *k, если после *s не следовал согласный: МѢХЪ < псл. *māisās (лит. maišas), ВРѢХЪ < псл. *vīrsūs (лит. viršus), ПРАХЪ < псл. *rāgxъ < *pārsās, но ПРѢСТЪ < *pīrstīs (латыш. pārsla "снежинка", др.-исл. forgs "водопад"), то есть перед согласным изменение *s > *x отсутствует. Кроме того, [x] в славянских языках мог появиться в заимствованиях: ст.-сл. ХОРЯГЪІ < герм. *hogungō (гот. hrugga "палка, посох"), ст.-сл. ХЛѢБЪ < гот. hlaifs, а также в словах звукоподражательного происхождения. В свою очередь псл. *x < *s, будучи заднеязычным, изменялся в процессе палатализаций: ср. МѢІШЬ (по I палатализации) < псл. *mūxīs < *mūsīs (греч. μῦς, лат. mūs). Таким образом, хронологически изменение *s > *x предшествует I палатализации.

По I палатализации заднеязычные в позиции перед гласными переднего ряда изменялись в праславянском языке следующим образом: *k > *č', *g > *ž', *x > *š': ст.-сл. КРНУАТИ < *krīč'ētei < *krīkētei (ср. лит. krūkti "пронзительно визжать", ст.-сл. ЖЕНА < *genā (ср. греч. γυνή), ст.-сл. ТИШНА < *teixīnā (ср. ст.-сл. ТИХЪ) < *teisīnā (ср. лит. teisūs "справедливый"). Эту палатализацию иногда называют "шипящей", так как в качестве рефлексов заднеязычных выступают так называемые "шипящие". Согласные, возникшие в результате I палатализации, были среднеязычными, то есть палатальными, причем *g сначала, возможно, дал аффрикату [d'ž'] (звонкий коррелят [č']), которая вскоре (на очень раннем этапе, так как не зафиксирована славянскими языками) утратила затвор и превратилась в фриктивный согласный [ž'].

В фонологическом плане с процессом I палатализации связано изменение *ē > *ā в позиции после палатальных, которое в конечном итоге и привело к фонологизации этих палатальных согласных. До перехода *ē в *ā согласные [č'], [d'ž'], [š'] представляли собой

аллофоны заднеязычных фонем соответственно *k, *g, *x, так как их появление было позиционно обусловлено следующим гласным переднего ряда. После же перехода *ē в *ā палатальные согласные оказались возможны и перед гласным непереднего ряда [a], то есть начали противопоставляться заднеязычным в одной позиции: ср. ст.-сл. **КАСАТИ СЯ - ЧАСЪ** < *kēsās (др.-прус. *kīsmān* < *kēsman "время, минута"). А это значит, что палатальные согласные функционально отделились от заднеязычных и стали самостоятельными фонемами.

12. ВТОРАЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ

II палатализация заднеязычных также, как и I, имела место в позиции перед гласными переднего ряда, но это были не те гласные переднего ряда, которые вызвали I палатализацию. Это были новые, возникшие после монофтонгизации дифтонгов, гласные *ě и *i. Таким образом, II палатализация происходила перед *ě и *i дифтонгического происхождения. Эту палатализацию иногда называют "свистящей", так как в большинстве славянских диалектов, в том числе в солунском говоре, заднеязычные согласные по II палатализации изменяются в палатальные "свистящие": *k > *c', *g > *d'z', *x > *s' (в з.-слав. языках *x > *š', в псковском и новгородском диалектах древнерусского языка II палатализация не имела места в том виде, как она происходила в других диалектах): ст.-сл. **РЯЦЪ** (дат. ед., ср. им. ед. **РЯКА**) < *rȋc'ě < *rȋkě < *rānkāi (лит. *raĩkai*), ст.-сл. **СѢЛО** "очень" < *d'z'ělo < *gělo < *gāilo (лит. *gailūs* "резкий"), ст.-сл. **СѢДЪ** < *s'ědъ < *xědъ < *xāidās (родственно псл. *sěrgъ, ср. др.-исл. *hárr* < герм. *haira-).

Особым случаем II палатализации считается позиция заднеязычного перед глайдом *w, который в свою очередь находится перед *ě или *i дифтонгического происхождения. Эта так называемая дистантная палатализация имела место только в в.-слав. (непоследовательно) и ю.-слав. (соответственно и в старославянском) языках: ст.-сл. **ЦВѢТЬ** < *kwěť < *kwāitās (бол. *цвят*, рус. *цвет*, рус. диал. *квет*, укр.

цьвіт/квіт, пол. kwiat), ст.-сл. ЗВѢЗДА < *gvězda < *gwāizdā (пол. gwiazda, лит. žvaigždė, греч. φοῖβος "блестящий"), ст.-сл. ВЛЪСВН (им. мн., ср. им. ед. ВЛЪХВЪ) < *wylxvi < *wŭlxwāi (болг. влѣхва "волшебник").

Таким образом, II палатализация давала значительные расхождения по славянским языкам и диалектам. Эпицентр этого изменения находился на территории расселения южных славян, где II палатализация проходила последовательно, однако, некоторые периферийные (например, северные древнерусские говоры) славянские диалекты были ею охвачены слабо, хотя тенденция к того или иного рода смягчению заднеязычных имела место во всех славянских диалектах.

13. ТРЕТЬЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ

III палатализация, в отличие от I и II, была прогрессивной, то есть изменение заднеязычного вызывалось не последующим гласным, а предшествующим (ср. аналогичный характер изменения *s > *x после *ī, *ū, *r, *k). Это скорее говорит в пользу ее значительной древности (если иметь в виду чисто фонетический аспект), так как прогрессивный характер III палатализации не вполне соответствует тенденциям к открытости слога и слоговому сингармонизму. Что касается рефлексов III палатализации, то они совпадают с рефлексами II палатализации, хотя, возможно, первоначально в праславянском рефлексy II и III палатализаций различались.

Традиционно считается, что по III палатализации заднеязычные изменялись в мягкие "свистящие" – *k > *c', *g > *d'z' > *z', *x > *s' (в з.-слав. языках – *x > *š') – в положении после *ī, *ū, *e, *yг (учитывая возможный древний характер изменения, фактически после *ī(п/г); не исключено, что рефлексy III палатализации после *īг – типа ПОМРЬЦАТИ – морфологического происхождения), если после заднеязычного не шел согласный или гласные *у, *ь

(фактически – *ǔ): ст.-сл. **ЛНЦЕ** < *lic'e < *lic'o < *līkǎ, ст.-сл. **СТЪСМ** "дорога, тропа", < *stǔd'z'a < *stǔga < *stǔghā (латыш. *stīga*, греч. *στῖχος* "ряд"), но этимологически однокоренное **СТЫГНА** "улица" и **ПОСТИГНЯТИ** с отсутствием палатализации перед согласным; ст.-сл. **ВЬСЕ** (им., ед., ср. р.) < *wьs'e < *wьs'o < *wьxo < *wīsā (лит. *vīsas*).

Однако в отношении III палатализации, которую часто называют "бодуэновской" (по имени Бодуэна де Куртенэ, впервые описавшего ее), среди славистов имеется много разногласий. Основные проблемы следующие.

Во-первых, каковы были условия и результаты III палатализации? Какие гласные, следовавшие за заднеязычным, препятствовали палатализации? Предлагается различный набор этих гласных: *ъ, *у, *о, *ѣ; или *ъ, *у, *ѣ; или *oi, *ѣ; или *ъ, *у. Какие согласные – палатальные или палатализованные – возникали в результате III палатализации и совпадали ли первоначально рефлексы II и III палатализаций?

Во-вторых, проблемы относительной хронологии и распространенности III палатализации: какая палатализация более древняя – II или III? – и все ли славянские языки и диалекты были охвачены III палатализацией? Следует отметить, что III палатализация отражается непоследовательно во всех славянских языках, в то время как II палатализация не охватила окраинные славянские диалекты. Некоторые слависты полагают, что III палатализация проходила ранее I палатализации.

С фонологической точки зрения безразлично, какая палатализация древнее – вторая или третья, так как обе эти палатализации являются частями одного фонематического процесса (иногда даже говорят не о II и III палатализациях, а о 1-м и 2-м условиях II палатализации). Отношение между ними такое же, как между I палатализацией и переходом *ě > *ā после палатальных согласных. II и III палатализации можно рассматривать в таком случае как чисто фонетические изменения, приспособление артикуляции согласного к артикуляции соседнего (последующего для II или

предшествующего для III) гласного переднего ряда, которое не приводит к возникновению новых фонем, а вызывает лишь аллофонное варьирование. С известной осторожностью (так как в конечном итоге во всех славянских языках рефлексy II и III палатализаций совпали) можно предполагать, что первоначально II палатализация давала палатализованные ("полумягкие") аллофоны *k, *g, *x, а III – палатальные ("более мягкие"). С фонологической точки зрения важен процесс "совмещения" рефлексy II и III палатализаций, так как только после этого можно говорить о фонологизации "свистящего" ряда *c', *dz' > z', *s'. В разных славянских языках и диалектах это происходило по-разному. Таким образом, фонетически III палатализация могла предшествовать не только II, но также и I палатализации, хотя фонологизация палатального "свистящего" ряда – явление более позднее, чем фонологизация "шипящего" ряда.

III палатализация наиболее последовательно проходила в южнославянских диалектах праславянского языка, которые были эпицентром этого праславянского процесса. В частности, старославянские памятники последовательно отражают ее результаты. Восточнославянская территория была охвачена III палатализацией в ослабленном виде, а в новгородском и псковском диалектах древнерусского языка этот процесс, возможно, остановился на этапе аллофонного варьирования, не приведя к совмещению рефлексy II и III палатализаций. Многие слова с рефлексом III палатализации в русском литературном языке заимствованы из старославянского: восклицать (ср. ст.-сл. **КЛИЦАТИ** "кричать" и рус. кликать), польза (ср. ст.-сл. **ПОЛЬЗА**, **ПОЛЬЗЕВАТИ** "приносить пользу" и рус. диал. польга), мерцать (ср. ст.-сл. **ПОМРЬЦАТИ** "меркнуть" и рус. смеркаться), состязаться (ср. ст.-сл. **СЪТАЗАТИ СЯ** "спорить") и т.п.

Следует отметить во многом морфологический характер распределения рефлексy III палатализации: ср. противопоставление суффиксов -ЬНИКЪ (м. р.) и -ЬНИЦА (ж. р.), глаголов типа ПОСАЗАТИ, ПОДВНЗАТИ (3 класс) – ПОСАГНЖ-

ТН, ПОДВИГНЯТИ (2 класс). Под последнюю модель подстраиваются глаголы, где не было условий для палатализации: **НАВЪЦАТИ - НАВЪКНЯТИ**.

После осуществления I, II и III палатализаций в тех славянских диалектах, которые их пережили, не оставалось слов, в которых заднеязычные согласные находились бы перед гласными переднего ряда. Однако старославянский язык отражает такое положение, когда действие закона палатализации уже прекратилось. Это видно из освоения старославянским языком заимствований с заднеязычными перед гласными переднего ряда: **К'ЕСАРЬ** "кесарь, римский император" < греч. $\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$, **ИГ'ЕМОНЪ** < греч. $\eta\gamma\epsilon\mu\omega\nu$ "правитель", **АРХИТРИКЛОНЪ** < греч. $\alpha\rho\chi\eta\tau\rho\acute{\iota}\kappa\lambda\iota\nu\omicron\varsigma$ "распорядитель пира", **ПАРАСКЕВЪГНИ** < диал. греч. $\rho\alpha\rho\alpha\sigma\kappa\epsilon\upsilon\upsilon$ (литер. греч. $\rho\alpha\rho\alpha\sigma\kappa\epsilon\upsilon\eta$ "пятница"). С другой стороны, в старославянском имеются романские заимствования с аффрикатой [с'], которая не является в данных словах непосредственным рефлексом какой-либо славянской палатализации: **ЦРЬКЪІ** (< герм. *kirikō < диал. греч. $\kappa\upsilon\rho\iota\alpha\kappa\omicron\nu$ "принадлежащее господу, храм"), **ОЦЪТЪ** (< лат. acetum), **ЦАТА** "мелкая монета" (< лат. centum или гот. kintus). В языке романского населения, которое соседствовало на Балканах со славянским, ко времени заимствований уже осуществился фонетический переход [k'] > [с]. Для некоторых славянских диалектов возможно немецкое (ср. переход k > z [ʦ] в немецких диалектах) посредство при заимствовании (ср. написания **ЦІРЬКЪВЕ**, **ЦІРЬКЪВЪ** в ряде ст.-сл. памятников, а также cirkuvah в Фрейзингенских отрывках; ср. др.-в.-н. kiricha).

14. ИЗМЕНЕНИЕ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ С *j

Приблизительно в VII – VIII вв. праславянские диалекты пережили изменения, еще больше увеличившие инвентарь палатальных фонем, а также количество чередований согласных. Эти фонетические изменения представляли собой слияние *j с предшествующим ему

согласным в качественно новый звук или сочетание звуков. В отличие от описанных выше палатализаций изменения сочетаний с *j касались всех согласных, а не только заднеязычных, для которых рефлексы данного изменения совпали с рефлексами I палатализации. В связи с тем, что эти изменения проходили сравнительно поздно, между славянскими языками и диалектами имеются значительные различия в рефлексах. Поэтому, рассматривая отражение сочетаний с *j в старославянском, в некоторых случаях будем дополнять старославянский материал данными других славянских языков.

I. *nj > *n': *kānjās > ст.-сл. **КОНЬ** (бол. кон, с.-х. конь, чеш. kůň);

*lj > *l': *pālĵā > ст.-сл. **ПОЛЕ** (бол. полé, с.-х. поље, слвн. polje);

*rj > *r': *bāurĵā > ст.-сл. **БОУРА** (рус. буря, с.-х. бура, слвн. búrja, чеш. buře).

В результате этих изменений появились новые палатальные фонемы [n'], [l'] и [r'], противопоставленные старым переднеязычным [n], [l] и [r]. Впрочем [r'], видимо, недолго участвовал в этой оппозиции, так как его фонетическое качество – среднеязычный вибрант – толкало его к устранению среднеязычной артикуляции, то есть либо к отвердению, а значит, совпадению с [r], либо к фрикации.

II. *sj > *š': *pěisĵān > ст.-сл. **ПИШЯ** (1 л. ед. наст. вр.; ср. **ПЬСАТИ**);

*zj > *ž': *nāzĵās > ст.-сл. **НОЖЬ** (ср. **ВЪНОЗИТИ** "вонзители").

Аналогичным образом *s и *z изменялись перед *nj и *lj: ср. **ПОМЪІШЛЯТИ** < *romysljati, **ВЪЖЛЮБИТИ** < *wъzljubiti, **ИЖ НЕГО** < *jъz njego и т.п. Рефлексы данных сочетаний в приставках и предлогах постепенно вытеснялись формами, возникшими по аналогии: ср. **ВЪЖЛЮБ-** > **ВЪЗЛЮБ-**, **ИЖ НЕГО** > **ИЗ НЕГО** и др.

III. *kj > *č': *āwĵkĵās > ст.-сл. **ОВЬУЬ** "овечий" (кратк.

притяж. прил. от **ОВЬЦА** < *owikā с рефлексом III палатализации);

*gǝ > *ž': *lǝgǝjān > ст.-сл. **ЛЪЖЯ** (1 л. ед. наст. вр.; ср. **ЛЪГАТИ**); *lǝgǝ > ст.-сл. **ЛЪЖА** (ср. **ЛЪЖЬ** "лживый" < *lugjos; др.-в.-н. *lugis*);

*xǝ > *š': *dǝuxǝjā > ст.-сл. **ДОУША** (ср. **ДОУХЪ**, **ДЪХНОВЕННЄ** "дыхание, ветер").

IV. *rǝ > *rǝ': *kǝurǝjān > ст.-сл. **КОУПЛЯ** (1 л. ед.; инф. **КОУПНТИ**); ср. бол. *купя*, рус. *куплю*, укр. *купю*, пол. *kupię*, н.-луж. *kurju*;

*bǝ > *bl': *bǝjǝudǝn > ст.-сл. **БЛЮДЯ** (греч. *πεύθομαι* "выведываю"); ср. бол., рус. *блюдо*, с.-х. *блюда*, луж. *blido* "стол";

*mǝ > *ml': *zǝmjā > ст.-сл. **ЗЕМЛЯ**; ср. бол. *земја*, мак. *земја*, с.-х. *зёмля*, пол. *ziemia*, чеш. *země*, луж. *zemja*;

*wǝ > *wl': *šǝrwǝjǝn- > **УРЬВЛЕНЪ** "красный" (страд. прич.; ср. др.-рус. **УРЬВНТИ** "красить"; бол. *червѣн*, мак. *црвен*, рус. *червлѣный* "багряный").

Палатальный [l'], который появился в сочетаниях губных согласных с *j, обычно называют "l-эпентетикум" (т.е. вставное). Этот термин отражает традиционное объяснение изменения данных сочетаний: между губным согласным и следующим за ним *j якобы развивался эпентетический *l, а затем сочетание *rlǝ > *rǝ'. Однако нет необходимости реконструировать промежуточную стадию. Расхождения между славянскими языками в отражении l-эпентетикум связаны с тем, что позднее в некоторых языках этот *l', если он находился в конце основы, утрачивался в результате действия морфологической аналогии (ср. болг. *купя*, но *блюдо*), хотя процесс его утраты подчинялся и фонетическим условиям (памятники показывают, что раньше всего l-эпентетикум исчезал перед *i и *ь).

V. *tǝ > *š't': *swǝitǝjā > ст.-сл. **СВѢШТА** (ср. **СВѢТЪ**; лит. *švaityti* "светить", др.-инд. *śvētyás* "светлый, белый"); ср. бол. *свещ*, мак. *свеќа*, с.-х. *свеќа*, слвн. *svéča*, рус., бел. *свеча*, укр. *свіча*, пол. *świeca*, чеш. *svíce*, луж. *swěca*;

*dj > *ž'd': *mēdjā > ст.-сл. МЕЖДА (ср. лит. mēdis "дерево", др.-инд. mādhyam "середина"); ср. бол. межда, мак. меџа, с.-х. мѣџа, слов. méja, рус., укр., бел. межа, пол. miedza, чеш. meze, словц. medza, в.-луж. mjeza, н.-луж. mjaža.

Если *t и *d оказывались в позиции перед *rj и *wj, они изменялись в старославянском аналогичным образом (вероятно, это был процесс, характерный только для древнеболгарских говоров): СЪМОШТРѢ < *s̥motrjǫ (1 л. ед. наст. вр.; инф. СМОТРИТИ); ОУМЪЖАРѢ < *umǫdrjǫ (инф. ОУМЪЖАРИТИ); ОУМРЪШТВЛЯТИ < *umьrtwjaति (итератив от ОУМРЪШТИТИ) и др. Эти фонетически закономерные формы постепенно заменялись формами, образованными по аналогии: например, ОУМЪЖАРѢТИ > ОУМЪЖАРИТИ как ОУМЪЖАРИТИ и т.п.

Как видим, сочетания *tj и *dj изменялись неодинаково в славянских языках. У восточных славян - *tj > č', *dj > *d'ž' > *ž' (ср. др.-рус. СВѢУА, МЕЖА). У западных славян - *tj > *c', *dj > *d'z' (ср. в Киевском миссале - ДАЗЪ [=ДАЖЬ; императив от ДАТИ], ОБѢЦѢЛЪ [=ОБѢШТАЛЪ; причастие прош. вр. от ОБѢШТАТИ]. Более пестрая картина наблюдается у южных славян, особенно если учесть диалектный материал. Для большинства болгарских говоров можно предположить следующее развитие: *tj > *š'č' > *š't' > *št, *dj > *ž'd'ž' > *ž'd' > *žd; для большинства македонских - *tj > *c' > *k, *dj > *d'z' > *g.

VI. По характеру изменения к сочетаниям согласных с *j примыкала в праславянском группа *ktī (в том числе, восходящая к *gtī), которая имела в старославянском те же рефлексy, что и сочетание *tj:

*ktī > *š't'ь: ст.-сл. НОШТЬ < *nāktīs (ср. лит. naktis);

*ktī > *š't'i: ст.-сл. МОШТИ < *māktī < *māgtēi (инф., ср. 1 л. ед. МОГѢ и 3 л. мн. МОГѢТЬ наст. вр.).

Рефлекс данного сочетания особенно часто встречается в инфинитивах некоторых глаголов (1

класса) и связанных с ними именах существительных: ср. **МОШТИ/МОГЖ** – **МОШТЬ** "мощь", **ПЕШТИ/ПЕКЖ** – **ПЕШТЬ** "печь" и др. (но ср. **РЕШТИ/РЕКЖ** – **РЪУЬ**). В ряде случаев (не столь важных для морфологии) изменение $*kt > *š't'$ имеет место и перед другими гласными переднего ряда, например, перед $*ě$: ср. ст.-сл. **ДЪШТЕР**– (косвенные падежи при им. ед. **ДЪШТИ**) < $*dūktēr$ – (ср. лит. *duktėĩs* nom. sg.).

15. АССИМИЛЯЦИИ И УПРОЩЕНИЯ ВНУТРИ КОНСОНАНТНЫХ ГРУПП

Об упрощении групп согласных, связанном с действием закона открытого слога, говорилось выше. Здесь речь пойдет об изменениях $*s$ и $*z$ перед согласными, возникшими в старославянском языке в результате палатализаций и йотаций.

I. $*sč' > *š'č' > *š't'$: ст.-сл. **РАШТИСТИ** "рассчитать" < $*rasč'isti$ (= ***РАС-УНСТИ**) < $*ārzkittēi$; ср. лит. *skaitýti* "считать", др.-инд. *cétati* "соблюдать, познавать"; ст.-сл. **НШТЯ** < $*jīskjān$ (1 л. ед. наст. вр., инф. **НСКАТИ**; лит. *ieškóti*, др.-в.-н. *eiskōn*).

Поскольку $[č'] = [t's']$, первый этап изменения – $*st's' > *š't's'$ (= $*š'č'$) – фонетически представляет собой ассимиляцию, а второй – $*š't's' > *š't'$ – утрату второго фрикативного элемента, то есть упрощение группы согласных. Таково основное направление развития данного консонантного сочетания, отраженное в старославянских памятниках. Однако оно могло развиваться и в другом направлении, упрощаясь за счет начального фрикативного элемента, но только на стыке предлога-приставки и корня, что указывает на морфонологическую природу данных форм: $*sč' > *š'č' > *č'$: ст.-сл. **БЕУЬСТЬНЬ** (ср. **БЕШТЬСТЬНЬ**) "посрамленный" < $*besč'ьstьнь$; ст.-сл. **НУРЪВА** (ср. **НШТРЪВА**) < $*jъs črěva$.

Для звонкого коррелята $č'$ – $[d'ž']$ (первоначальный рефлекс I палатализации из $*g$ или сочетания $*gj$) – возможно только изменение первого типа:

*zd'ž' > *ž'd'ž' > *ž'd': ст.-сл. **НЖАНТИ** "растратить" < *jъzd'ž'iti (= **НЗЖНТИ**) < *jīzgi'tēi; ст.-сл. **ДЪЖДЬ** < *dъzd'ž'ь < *dūzgjās (ср. лит. dužgėti).

II. *sš't' > *š's't' > *š't': ст.-сл. **ТЪШТА** < *tъss't'a < *tīstjā (ср. **ТЪСТЬ**, др.-прусс. tisties "тесть");
 *zž'd' > *ž'ž'd' > *ž'd': ст.-сл. **ПРИГВОЖАЖ** (1 л. ед. наст., инф. **ПРИГВОЗАНТИ** "прибить [гвоздями]") < *prīgwāzž'd'q.

В этом случае происходила регрессивная ассимиляция с последующей утратой двойного согласного.

III. Для классического старославянского языка, вероятно, было характерно сочетание *sc' (или *s'c') < *sk (по II палатализации) без изменения, однако, дошедшие до нас старославянские памятники указывают на его двойное преобразование: *s'c' = [s't's'] мог утрачивать либо конечный, либо начальный фриктивный элемент:

1) *sc' > *s'c' > *s't' (= [s't's'] > [s't']): ст.-сл. **ДЪСТЬ** (мест. ед.; им. ед. **ДЪСКА**) < **ДЪСЦѢ**; **ЗЕМЛЪСТНИ** < **ЗЕМЛЪСЦНИ** (им. мн. м. р.; им. ед. **ЗЕМЛЪСКЪ**);

2) только на стыке предлога-приставки и корня:
 *sc' > *s'c' > *c' (т.е. s't's' > t's'): **НЦѢЛНТИ** (и **НСЦѢЛНТИ**) < *jъscēliti; **БЕЦѢНЬНЪ** (и **БЕСЦѢНЬНЪ**) < *bescēnъ; **НЦРЬКЪВЕ** (и **НСЦРЬКЪВЕ**) < *jъs c'ьrkъwe.

Что касается звонкого коррелята, то данные старославянской письменности ограничиваются практически одним примером:

*zd'z' > *z'd'z' > *z'd': ст.-сл. **ДРАЗДЬ** (мест. ед., им. ед. **ДРАЗГА** "лес, роща") < *dřezd'z'ě.

IV. Отметим также утрату *s перед *s, *š' и *z перед *z: ст.-сл. **БЕСЪМРЬТЪНЪ** (< **БЕСЪМРЬТЪНЪ**), **НШЬДЪ** (< **НСШЬДЪ**), **БЕЗЪЛОБЫ** (< **БЕЗЪЛОБЫ**). Это явление старославянского языка отражает запрет на двойные согласные в позднем праславянском языке.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

УЧЕБНИКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

- Горшков А. И. Старославянский язык. М., 1963.
Иванова Т. А. Старославянский язык. М., 1977.
Никифоров И. Д. Старославянский язык. М., 1952.
Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.
Lunt H. G. Old Church Slavonic Grammar. The Hague, 1955; 6-е изд. The Hague, 1974.
Schmalstieg W. R. An Introduction to Old Church Slavic. Cambridge; Mass., 1976; 2-е изд. Cambridge; Mass., 1983.

СЛОВАРИ

- Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). М., 1994.
Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1-22. М., 1974-1995.

КЛАССИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПО СТАРОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ

- Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952 (Перевод: Vaillant A. Manuel du vieux slave. Paris, 1948).
Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957 (Перевод: Van Wijk N. Geschichte der altkirchen-slawischen Sprache. Berlin und Leipzig, 1931).
Каринский Н. Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам. Ч. 1: Древнейшие памятники. 2-е изд. С.-Петербург, 1911.
Кульбакин С. М. Грамматика церковно-словянского языка по древнейшим памятникам. Петроград, 1915.
Лескин А. Грамматика древнеболгарского (древнецер-

ковнославянского). Казань, 1915 (Перевод: Leskien A. *Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*. Heidelberg, 1909).

Селищев А. М. Старославянский язык. Часть первая: Введение. Фонетика. М., 1951.

Фортунов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Фортунов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957.

Diels P. *Altkirchenslavische Grammatik*. Heidelberg, 1932; 2-е изд. Heidelberg, 1963.

Trubetzkoy N. S. *Altkirchenslavische Grammatik*. Wien, 1954; 2-е изд. Wien, 1968.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.

Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков: Фонетика и словообразование. М., 1984.

Верецагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.

Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите // Вопросы языкознания. 1969. N 6.

Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951 (Перевод 2-го франц. изд.: A. Meillet. *Le slave commun*. Paris, 1934).

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1994.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977.

а) ЯЗЫКИ, ДИАЛЕКТЫ, АЛФАВИТЫ

бел. – белорусский
бол. – болгарский
в.-луж. – верхнелужицкий
в.-слав. – восточнославянский
герм. – прагерманский
глагол. – глаголический
гот. – готский
греч. – (древне)греческий
др.-англ. – древнеанглийский
др.-болг. – древнеболгарский
др.-в.-н. – древневерхненемецкий
др.-инд. – древнеиндийский
др.-исл. – древнеисландский
др.-перс. – древнеперсидский
др.-прус. – древнепруссский
др.-рус. – древнерусский
з.-слав. – западнославянский
и.-е. – индоевропейский
ирл. – ирландский
каш. – кашубский
кир. – кириллический
лат. – латинский
латыш. – латышский
лит. – литовский
мак. – македонский
нем. – немецкий
н.-луж. – нижнелужицкий
пол. – польский
полаб. – полабский
псл. – праславянский
румынск. – румынский
рус. – русский
слвн. – словенский
слвц. – словацкий
ст.-сл. – старославянский
с.-х. – сербохорватский

тюрк. – тюркский
укр. – украинский
финск. – финский
чеш. – чешский
ю.-слав. – южнославянский

6) ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

альвео-палат. – альвео-палатальные
аор. – аорист
велярн. – велярные
вин. – винительный
вр. – время
губн. – губные
дат. – дательный
дв. – двойственное число
диал. – диалектный
ед. – единственное число
заднеяз. – заднеязычные
зв. – звательный
зубн. – зубные
им. – именительный
инф. – инфинитив
кратк. – краткая форма
л. – лицо
литер. – литературный
мест. – местный
мн. – множественное число
наст. – настоящее время
п. – падеж
палат. – палатальные
переднеяз. – переднеязычные
прил. – прилагательное
притяж. – притяжательный
прич. – причастие
р. – род
род. – родительный
сигм. – сигматический
среднеяз. – среднеязычные
страд. – страдательный
тв. – творительный

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Место старославянского языка среди славянских языков.....	3
2. Близость славянских языков.....	5
3. Старославянский и праславянский языки.....	7
4. Древнейшие сведения о славянах.....	8
5. Основные предпосылки возникновения письменности у славян.....	9
6. Создание старославянского языка.....	11
7. Проблема диалектной основы старославянского языка.....	15
8. Глаголица и кириллица.....	18
9. Корпус текстов старославянской письменности.....	23
10. Важнейшие понятия текстологии.....	24
11. Старославянские памятники.....	26
12. Примеры древних славянских текстов.....	30

ФОНЕТИКА

1. Специфика и источники изучения старославянской фонетической системы.....	34
2. Фонологический анализ глаголицы и кириллицы.....	35
3. Основные принципы строения слога.....	43
4. Фонетическая характеристика и происхождение гласных.....	47
5. Краткая предыстория старославянской системы гласных.....	51
6. Дистрибуция гласных.....	55
7. Редуцированные гласные.....	56
8. Напряженные редуцированные.....	59

9. Возникновение вторичных слоговых плавных.....	61
10. Система согласных.....	61
11. Переход *s > *x и первая палатализация заднеязычных.....	65
12. Вторая палатализация.....	67
13. Третья палатализация.....	68
14. Изменение сочетаний согласных с *j.....	71
15. Ассимиляции и упрощения внутри консонантных групп.....	75
 Рекомендуемая литература.....	 77
 Список сокращений.....	 79

Михаил Борисович Попов

ВВЕДЕНИЕ В СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
Учебное пособие

Зав. редакцией Г.Чередниченко
Редактор Н.Михайлова
Техн. редакторы Е.Миллер, Л.Иванова

Лицензия ЛР N 040050 от 15.08.1996 г.

Подписано в печать с оригинала-макета 13.01.97.
Ф-т 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,89.
Уч.-изд. л. 4,28. Тираж 300 экз. Заказ N 30.

Редакция оперативной подготовки изданий
Издательства СПбГУ.

199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр оперативной полиграфии СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.

Санкт-Петербургский государственный университет

М.Б.ПОПОВ

ВВЕДЕНИЕ В СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Учебное пособие

Издательство С.-Петербургского университет

Санкт-Петербург 1997